

От редакции	Стр. 1
Размышления о геополитике	Стр. 2
Заметки о белорусской оппозиции	Стр. 7
Социальное значение музыки. Субкультуры как форма протеста. Механизмы функционирования мейнстрима	Стр. 10
Культурная глобализация. Альтернатива: атомизированная культура	Стр. 16
«Левые» идеи и «левый активизм»	Стр. 17
Ещё раз о методе или революция не панацея. Мнимые надежды левого движения	Стр. 22
Об экономической дилемме	Стр. 24
Лидеры, авторитеты и их отрицание	Стр. 27
Идеи и реальность или зачем врать самим себе	Стр. 28
Антифашизм обратная сторона фашизма. Ролевая игра под прикрытием идеи	Стр. 29
Оптимизм или пессимизм. Фанатизм и толерантность. Поиск равновесия	Стр. 32
Роль научных абстракций в реальной жизни	Стр. 33
Национальная идея. Заметки об её значимости	Стр. 36
Религия и мораль. Размышления о «ритуализме» и вере	Стр. 37
Аномия	Стр. 39
Подводя итоги	Стр. 42

От редакции.

Этот номер Total Persistence имеет конкретную цель. Он призван начать критическую оценку современного общества, его экономической, политической и культурной сфер жизни.

Журнал состоит из ряда обзорных статей, в которых я высказал свои замечания по поводу некоторых, волнующих меня, проблем. Подчёркиваю – все статьи обзорные, а значит, требуют дальнейшего развития. В данном виде они призваны тезисно обозначить мои идеи. Большая часть написанного касается идеологии левого движения. Говоря более конкретно, я выступаю за реформацию данного движения, его теоретической и методологической базы. Под левыми теориями я рассматриваю различные идеологии неавторитарной направленности (анархизм, неавторитарный марксизм и т.д.) Тоталитарных левых (большевиков, маоистов и т.д.) я критике подвергать не собираюсь, потому что эти теории никакой критики не выдерживают и полностью дискредитировали себя в течение 20-го века.

Моя критика направлена на создание резонанса в заинтересованных кругах, то есть на развитие дискуссии относительно путей преобразования данного движения. Поэтому, призываю каждого, кто прочтёт этот журнал, присылать свои соображения, а журнал дать почитать другим людям. Таким образом, надеюсь на создание разветвлённой сети людей, которые также хотят изменить общество, но считают, что все предлагаемые альтернативы либо ведут в тупик, либо устарели.

Я надеюсь на участие в этом процессе не только представителей левого движения, но всех остальных, в том числе и не ангажированных в политические организации, людей. Кроме политических и идеологических, не менее важными являются проблемы морали, религии и культуры. Поэтому, призываю к сотрудничеству всех людей, занимающихся деятельностью в названных сферах. Наше будущее строить нам и, несмотря на тяжёлые условия, мы можем создать свой альтернативный мир. Все, кому не безразлична наша жизнь, объединяйтесь и действуйте. Не слишком ли глобальные цели я ставлю для небольшого самиздатовского журнала? Может быть, но я надеюсь, что решать эти цели буду не я один и не только мой журнал. В современном обществе, замечательным средством информации и пропаганды стал Интернет. С его помощью надеюсь сдвинуть с мёртвой точки решение поставленных проблем.

Размышления о геополитике.

В этой статье, я не хочу рассматривать «правильность» и «неправильность» тех или иных политических режимов (насколько это, конечно, возможно в рамках статьи, написанной одним человеком и в согласии с его субъективным мнением). Цель статьи – обозначить некоторые контуры современной мировой ситуации (не анализировать их, а всего лишь сделать небольшой набросок) и высказать мнение относительно вероятных направлений развития.

Итак, для начала следует отметить, что на сегодняшний день в мире сложилось несколько политических лагерей, своего рода «осей», противостоящих друг другу. Во-первых, это, конечно, США и Западная Европа. Во-вторых, исламский мир. В-третьих, Китай. И, четвёртый, самый молодой, политический блок – страны Латинской Америки, объединённые вокруг Венесуэлы. Однако сразу стоит оговориться, что данные объединения далеко не так однородны, как может показаться. К тому же, многие из них в своей основе имеют низкопробный популизм, и реальная деятельность данных объединений противоречит высокопарным фразам их вождей.

Идеологические разногласия, в основе которых, естественно, находятся экономические интересы, приводят, с одной стороны, к противоречиям внутри тех или иных блоков, а с другой, к сотрудничеству различных блоков. Главным, на сегодняшний день, уже в течение нескольких лет, остаётся противостояние США и исламского мира. О причинах данного противостояния сказано немало (если не сказать, что эту тему затрагивали уже все кому не лень). В основе, опять же, стоит борьба за власть. В условиях распространения западной культуры, основой которой является массовая культура США, некоторые исламские страны (в частности Иран) пытаются расширить свою власть на весь исламский регион, под видом защитников от влияния Запада. Для этого существует удобное оружие – религия. Не нужно говорить, что позиции религии в исламском мире несравнимо сильнее, нежели где бы то ни было ещё. Многие страны этого региона находятся на стадии «индустриального феодализма» (то есть экономика переходит к индустриальному дикому капитализму, а социальный уровень общества и политика остаются в феодальной эпохе). При этом такое положение дел часто сочетается с теократическим правлением. Я не стану обсуждать причины, по которым религия занимает в этом регионе такое положение, это тема для отдельной работы значительно более крупной и сложной чем данная статья. Главное, что сложившееся положение создало идеальную почву для формирования фундаменталистских организаций, которые, будучи, зачастую, созданы и укреплены при поддержке США во время противостояния с СССР, после распада последнего нашли нового врага – США и весь западный мир. На любое противостояние нужны деньги. Финансирование этих организаций идёт из карманов нефтяных шейхов. Учитывая богатство нефтяных запасов исламского региона, денег хватит надолго.

Антиамериканские настроения сегодня «в моде» не только в исламском мире, но и в Европе и в той же Латинской Америке. Главные обвинения США касаются их войн в Афганистане и Ираке. Однако эти обвинения всего лишь прикрытие для настоящих причин – недовольства большинства стран тем, что США являются самой могущественной державой мира. Всё чаще можно услышать определения современного мира как однополярного. И этот полюс – США. Попытки списать могущество США на его военную мощь выглядят, по меньшей мере, глупо. Само наличие военной мощи говорит о том, что в её основе существует мощнейшая экономика. И если в Советском союзе, экономика целиком была направлена на оборонную отрасль, а мирные отрасли были лишь побочным второстепенным продуктом, то американская промышленность была (и остаётся) направленной в первую очередь на выпуск товаров гражданского потребления, что и стало залогом её выигрыша в холодной войне. Наиболее показателен в соотношении экономических систем этих двух стран один факт – из каждого рубля в СССР во времена

холодной войны на военную промышленность тратилось 95 копеек, а из каждого доллара США – 5 центов. Попытки отвоевать часть влияния США со стороны стран Европы и, как следствие, порождённые и поддерживаемые их правительствами антиамериканские настроения могут сыграть с ними злую шутку. Экспансия агрессивного исламизма, которому при всех минусах могут противостоять только Соединённые Штаты, уже не раз «показывала зубы» в разных странах Европы. Начиная с взрывов в Испании и Англии и заканчивая погромами во время скандала с карикатурами на пророка Мухаммеда. Победа исламизма (следует чётко разграничивать религию – ислам и её фундаменталистские проявления – исламизм) породит в Европе режим, которому уступит даже национал-социализм. Возможно, многим покажется смешным и сумасшедшим такой прогноз. Может возникнуть естественный вопрос: почему, собственно, я так боюсь победы исламизма, и чем он может быть страшнее ужасов, творимых нацистами? За нацистской диктатурой стояла «мощь» одной только Германии, не богатой ни природными, ни человеческими ресурсами. За напором исламизма стоит огромный регион, с гигантскими запасами нефти. Во-вторых, хотя этот момент и может показаться спорным (и, безусловно, требует дополнительного глубокого изучения) – у исламского фундаментализма есть одно преимущество – он может «зомбировать» людей, используя тысячелетние традиции мусульман, в то время как Гитлер создал идеологию нацизма, единственной «серьёзной» (прочной) основой которой был антисемитизм (населению показали врага). При своих небольших ресурсных возможностях, Гитлер развязал мировую войну, так что же могут сделать фундаменталисты при своих огромных ресурсах? Кроме того, следует сказать о методах. Нацисты проводили геноцид населения оккупированных территорий и своей страны, то есть уничтожали людей во время войны. Исламисты же убивают без объявления войны. Они могут нанести удар в любой точке мира, и, как правило, наносят удары по мирному населению. Такие нападения практически невозможно предотвратить, так как их может совершить небольшая группа из нескольких человек.

В связи с проблемой исламского фундаментализма часто обращают внимание на проблему иммиграции из стран Востока в страны Европы. Самым стандартным выводом после анализа поведения некоторых иммигрантов, является предложение ограничить количество иммигрантов или вовсе закрыть Европу для них. Такие действия не являются решением проблемы, они только усугубляют её. Можно привести немало примеров интеграции иммигрантов в европейское общество (в том числе и мусульман) и именно это должно стать главным направлением работы правительств Европы. Только включив иммигрантов в социальную систему можно нейтрализовать или хотя бы уменьшить влияние на них исламистской пропаганды.

В рамках данной проблемы, вызывает тревогу событие в Англии, когда попытка взрыва была организована врачами арабского происхождения, то есть представителями среднего класса. Это разрушило теорию о том, что на теракты идут только люди из бедных слоёв, которые не смогли вписаться в современное общество. После последних событий, стало ясно, что удара можно ждать от кого угодно. И, в связи с этим, важно не впасть в паранойю. Для спасения жизней своих граждан правительство должно использовать все возможные средства, но при этом правительству никогда нельзя давать в этой сфере полную свободу, потому что в итоге, самое демократическое государство в считанные недели может превратиться в тоталитарное полицейское государство. Лавирование между борьбой с терроризмом и сохранением свободы, ещё больше усложняет обстановку в современной Европе.

Отдельно стоит сказать о религии. Большинство столкновений с иммигрантами было на религиозной почве (ношение хиджабов во французских школах, карикатуры на пророка Мохаммеда, съёмка голландским режиссером фильма о положении женщины в исламском мире). И именно решение этой проблемы должно быть кардинальным. Европейские государства давно стали светскими и поэтому никто не должен там

пропагандировать религию в школах и прочих общественных учреждениях. В ином случае постоянные уступки дадут исламистам окончательно понять, что они побеждают. Следует помнить, что они не пытаются отвоевать равные права для мусульман (они и так существуют в европейских странах), они пытаются сделать ислам единственной религией, а европейское общество перековать на манер теократических монархий Востока.

Несмотря на эту огромную проблему, Европа популяризирует антиамериканские настроения, лишняя раз, усиливая главного врага США – Иран и его коалицию. Самым ярким примером таких настроений в обществе была война Израиля и Ливана. Практически никто не высказался в поддержку Израиля. Более того, все старались обходить стороной то, что Хизбалла расстреливала Израиль с Ливанской территории (намерено провоцируя войну) и убивала мирное население. Зато каждый телеканал по несколько раз в день показывал руки и ноги ливанских детей, убитых в ходе израильских бомбардировок. Израиль с грохотом проиграл информационную войну, но и Европа, так упивавшаяся разговорами об империализме Израиля и США (в том числе и левые силы, которые постоянно, открыто, осуждают Израиль, умалчивая о действиях исламских террористов), проиграла очередной раунд противостояния с теми, кто их люто ненавидит – исламистами. Кстати, относительно США, которые поддерживали Израиль, с самого начала войны начали пускать слухи, на счёт прямого приказа Буша о начале войны, который «вассал» Израиль непременно выполнил. Это напоминает теории о всемирных заговорах. Во-первых, Израиль сам всегда воевал за себя и свой народ, без всяких приказов. Во-вторых, несмотря на поддержку Израиля со стороны США, глупо думать, что последние могут решать за Израиль и отдавать приказы о том или ином действии на международной арене. Геополитические связи находятся не на таком примитивном уровне.

Теперь обратим взгляд на Китай. Эта огромная страна, находится в стороне от всех перечисленных конфликтов. Относительно войн в Афганистане и Ираке, Китай ограничивается осуждающими резолюциями, но не более того. Китай ещё один конкурент США, но конкурент значительно более умный, нежели кровожадный исламизм. В то время, когда в мире происходят конфликты между Западом и исламским Востоком, Китай развивает свою экономику. И развивает её невиданными темпами. ВВП размером в триллион долларов, огромный экспорт и импорт ресурсов в последнее десятилетие сделали Китай одним из важнейших звеньев мировой экономики. Во-первых, как уже отмечалось, гигантское потребление ресурсов китайской промышленностью, сделало эту страну главным покупателем ресурсов, в том числе и у стран Запада. Во-вторых, тоталитарные условия, при которых основная масса населения (которого очень много) живёт очень бедно, сделали Китай главным в Азии рынком дешёвой рабочей силы. С ним не может сравниться ни одна из близлежащих стран, которые также являются рынками рабочей силы для корпораций Запада и Японии, но не имеют ни такой численности населения, ни такой промышленной базы. В итоге мы имеем ситуацию, когда практически все предприятия (не считая некоторых сборочных заводиков) в сфере производства компьютерной техники, одежды и прочих, востребованных продуктов, переместились в Азию, и преимущественно в Китай. В Европе и США остались только офисы, в которых разрабатываются всё более новые модели этих вещей.

В последнее десятилетие всё громче стали раздаваться разговоры о том, что Китай, при его постоянно растущем населении и быстро развивающейся экономике, скоро станет лидером в мире, потеснив США, и начнёт экспансию в страны Запада. И Китай, конечно же, не прочь это сделать, о чём намекали некоторые китайские чиновники. Но, в последнее время демографы отмечают, что количество населения Китая стало сокращаться, что обусловлено политикой правительства, которое, установив жёсткие финансовые санкции для многодетных семей, в течение нескольких десятилетий смогло решить проблему роста населения. Главные центры рождаемости, на сегодня, Африка и исламский мир. Но при этом возможность экономической экспансии Китая остаётся в

силе. Так или иначе, но он сможет манипулировать западными корпорациями, а значит главными секторами экономики США и Европы, с помощью чисто экономических методов. Как это скажется на состоянии Западного мира пока сложно сказать. Но явно одно – вес Китая в глобальной политике возрастёт очень сильно.

И, наконец, четвёртый, самый молодой блок – Латинская Америка, вокруг ряда недавно победивших «левых» правительств, в частности, вокруг президента Венесуэлы – Чавеса. Этот блок, также, главным врагом объявил США. На то, как всегда есть экономические причины. США в течение двадцатого века осуществляла целенаправленную экспансию в страны Латинской Америки с целью подчинения её экономики американским компаниям. И до сих пор значительная часть экономики латиноамериканских стран находится в руках корпораций из США. При этом большая часть населения этого региона, особенно остатки коренного населения – индейцев, находятся в весьма плачевном положении. Это, конечно же, порождало в 20-м веке и порождает теперь со стороны населения желание кардинальных изменений существующей в Латинской Америке системы дикого капитализма. Самой первой альтернативой капитализму и либеральным реформам, направленным на передачу экономики в частные руки, естественно, предстают левые правительства, выступающие за национализацию предприятий и плановую экономику. Смена такими режимами режимов правых в латиноамериканском регионе происходят не впервой. Многие (если не сказать большинство), как тех, так и других являлись и являются авторитарными. Сейчас происходит очередной этап смены режимов, в ходе которого в ряде стран к власти пришли режимы левой направленности. Общемировое левое движение, как правило, с вожделием смотрит на очередную попытку построения социализма, и в этот раз, также, на эту тему идёт масса споров. Я считаю, что судить о том или ином правительстве, следует не по каким-то абстрактным действиям, законам и идеологиям, а потому как при этом режиме живётся его простым гражданам. Анализируя режимы Латинской Америки, для примера, Венесуэлы (насколько можно его анализировать на основании той информации, которая доходит до нас) можем увидеть сплошь позитивные изменения в социальной политике. Образование для бедных слоёв бесплатное, промышленность национализируется и т.д. Однако давайте, сопоставим эти действия правительства Чавеса со статистикой преступности в столице страны – Каракасе, где каждую неделю убивают 50 человек, не говоря уже о кражах. Окраины столицы представляют собой гетто для бедных, в которых правят вооружённые банды и в которые не заходит не один турист, так как вероятность вернуться оттуда очень мала. Как вы думаете, жителям этих районов, которые с детства начинают добывать хлеб для своей семьи любым возможным способом (потому что в таких условиях не рассуждают о методах), нужно ли этим людям бесплатное образование? Точнее, могут ли они себе позволить учиться хотя бы и бесплатно? Нет! Им нужно кормить своих близких, и никакой возможности учиться, даже бесплатно, они не имеют. Их положение можно сравнить с положением крестьян в царской России, большинство из которых могло отдать детей лишь в начальную (по теперешним меркам) школу, а дальше в семье нужны были рабочие руки, и учёба для них становилась недоступной. Тоже можно сказать и о национализации предприятий. Обычно, это не более чем популистский ход, так как население в итоге всё равно ничего не имеет, всю прибыль получает государство (как правило, коррумпированное, потому что закрытость авторитаризма это позволяет). В итоге, эти «левые» режимы оставляют свой народ таким же нищим, а развитие страны останавливается, так как страны с рыночной экономикой, даже при всех кризисах, идут впереди. Залогом их прогресса являются сами законы рынка, которые позволяют развивать именно те области экономики, которые востребованы на мировом рынке. Плановая экономика, даже в самом идеальном её варианте, лишена механизмов быстрого реагирования на изменения рынка, так как производство в ней регулируется не объективными экономическими законами, а людьми.

Венесуэла, стала политическим центром Латинской Америки, только благодаря своим нефтяным запасам. Это ещё одна Россия – страна, сидящая на нефтяной игле, у которой благодаря этому может быстрыми темпами увеличиваться ВВП, но её производство и сфера услуг остаются неразвитыми, и, как следствие, в нищете остаётся большинство населения.

Отдельно стоит сказать об антиамериканизме Чавеса, который он декларирует при любом удобном случае. Это чистый популизм, учитывая то, что главный экономический партнёр Венесуэлы – США. С этой страной самый большой товарообмен. В таких условиях, можно много говорить о борьбе с «империей США».

А что же сами Соединённые Штаты? Несмотря на растущие антиамериканские настроения и предсказания скорого упадка США, эта страна развивается, как и раньше, и совсем не собирается сдавать свои позиции. И главный фактор успеха, конечно же, экономический. Экономика США является одной из наиболее стабильных и развитых. И если, к примеру, Китай опережает США по темпам экономического роста, то по научным разработкам новых технологий, он явно отстаёт (что и является причиной того, что Китай пока не стал мировым лидером). Догнать США по этому параметру будет очень сложно, потому что научная база в США формировалась многие десятилетия и ушла далеко вперёд. Конкурировать с ней (да и то не во всём) может только японская наука.

Многие «специалисты» пугают нас падениями доллара (которые постоянно случаются по отношению к евро). Не нужно быть гением в экономике (достаточно почитать любой учебник), чтобы понимать: когда падает цена доллара относительно евро, то повышается уровень продаж американских товаров, так как за один евро можно купить больше единиц товара, исчислённого в долларах. В итоге, американская экономика только выигрывает. Если говорить о крахе доллара (допустив такую возможность), то вместе с ним рухнет и вся мировая экономика, одним из ключевых звеньев которой является экономика США.

Главный «конёк» антиамериканской пропаганды – критика военных операций США в Афганистане и Ираке. Осуждая эти войны, все начинают с того, что главная причина для их начала – желание США взять под контроль запасы иракской нефти. Приводилась информация относительно связей Бен Ладена с семьёй Буша и нефтяными магнатами США. Вполне возможно. Только, Буш – это не все Соединённые Штаты, а захват нефти вообще скользкий вопрос. Бесспорно то, что нефтяные компании США установили свой контроль над нефтедобычей в Ираке, но они эту нефть покупают, а не берут бесплатно. В итоге Ирак получает свои нефтяные доходы. Хотя, конечно, мы не знаем всех нюансов ценообразования в сфере добычи и торговли иракской нефтью. Но это значит, что мы не можем ничего с уверенностью сказать, не осуждать, не оправдывать США по этому вопросу, разве что только с этической стороны, но политика и этика не одно и то же.

Теперь конкретно о военных действиях. Выиграв в боевых действиях, информационную войну США проиграли. Вначале их встречали, как освободителей от кровавой диктатуры Хусейна, но потом исламистская пропаганда всё-таки взяла верх. Против американцев играет и тот факт, что война стала затяжной, то есть то, что их войска находятся в стране до сих пор. Однако если они выведут войска сейчас, в Ираке начнётся резня, вину за которую мировое сообщество снова таки возложит на американцев. При этом вред или пользу получила та же Европа в итоге свержения Хусейна? А сами иракцы? Хусейна растворял людей в кислоте, держал население в ужасной нищете и производил химическое оружие, которое вполне могло быть использовано против той же Европы. Так, при всей негуманности империалистической войны США, возможно, следует подумать, что бы было, если бы войну не начали.

Подводя итоги, можно сказать, что США, подвергаясь нападкам антиамериканистов, по-прежнему удерживает лидирующие позиции на политической карте мира. Сильнейшая экономика с развитым научным потенциалом, а также

политический режим, который стабилен (на самом деле, а не на словах) и при этом достаточно (в сравнении со многими другими) демократичен обеспечивают могущество США, несмотря на антиамериканскую пропаганду. Деньги, опять же, решают. И лучше бы, чтобы лидером оставались США, а не исламский фундаментализм или тоталитарный Китай. Не является альтернативой и псевдонародный «левый» режим Чавеса, который, в первую очередь, зависит от экономики США.

Заметки о белорусской оппозиции.

Сегодня ведётся много разговоров о белорусской оппозиции. Под самим этим словом большинством людей (в том числе и некоторыми вовлечёнными в политику) подразумевается лишь определённый набор партий и организаций правой или либеральной направленности. Оценку деятельности этих организаций дают все, и специалисты-политологи, и политические тусовщики, и журналисты.

Говоря о какой-либо оппозиции власти, следует строго разделять ситуации, в которых она действует. Одно дело – оппозиция в странах Европы с развитым гражданским обществом, правовой базой, с которой считаются, и прочими демократическими институтами. Плюс, следует учитывать материальный уровень жизни в этих странах. Другое дело – оппозиции авторитарному режиму в странах, где понятия гражданского общества нет вообще, и где все ветви власти подчинены одному человеку или правящей партии. И, третья ситуация, это оппозиция в тоталитарных странах, оппозиция, которая часто борется с оружием в руках, и которая находится в подполье и уничтожается правительством. Данные ситуации можно дробить на более мелкие, но суть ясна, условия борьбы устанавливают тип политических активистов. Беларусь относится ко второму типу стран, хотя в ней присутствуют элементы третьего (уничтожение некоторых лидеров оппозиции). Наши оппозиционные силы сразу стоит разделить на два лагеря: правый (либеральный) и левый лагеря. Специфика активизма в этих двух лагерях также различна, но и те и другие занимают оппозиционные позиции по отношению к власти.

Главный идеологический стержень правой оппозиции – национальная идея и культурно-образовательная деятельность, в целях, возрождения (создания) национального самосознания. Экономические вопросы идут у них обычно на втором месте (особенно если анализировать проводимые ими акции). К этому лагерю относятся (так как сотрудничают друг с другом) и либеральные партии, культура которых мало интересует, но по экономическому вопросу, они с правыми партиями едины. Таким образом, в правом крыле белорусской оппозиции сложилась своеобразная ситуация: есть националистические культурные партии, которые выступают за рыночную экономику западного типа, но эта цель для них на втором месте. И есть либеральные (неолиберальные) организации, главной целью которых является проведение неолиберальных реформ, и лишь второстепенной – культурное возрождение (часто оно их и вовсе не интересует). Все эти организации тесно сотрудничают, пытаются объединиться. Однако следует отметить, что никакого реального единства (особенно на уровне лидеров) нет, каждый «тянет одеяло на себя». Показательно, в этом отношении, событие годовой давности, когда большинство лидеров оппозиционных организаций пытались сместить единого кандидата, ими же выбранного (А. Милинкевича), из-за того, что он стал набирать реальный рейтинг, чего не смог сделать до этого ни один из них. Многие аналитики занимаются тем, что подробно оценивают каждую акцию оппозиционных сил, находя там массу ошибок. В защиту этих организаций следует сказать, что в наших условиях, в условиях полного равнодушия народа, сложно добиться хоть какого-нибудь успеха, а тем более действовать безошибочно. Но главное, что можно сказать без подробного анализа, в оппозиционных силах идёт подковёрная борьба и ни о каком единстве говорить не приходится. И это первая и главная (базовая) причина невозможности победы этих организаций. Однако причина эта не единственная.

Организованность правой оппозиции вокруг национальной идеи автоматически отдаляет её от основной массы народа. Во-первых, сама национальная идея весьма абстрактное (если не сказать мифическое) понятие. Политика же всегда является выражением экономики. Конечно, на него влияют и идеологии, и множество других факторов, но главной основой политики, всегда является экономика. И именно экономические проблемы необходимо решать в первую очередь, ведь аполитичное большинство интересуют только они, а метафизические идеи, масса обычно принимает (или не принимает), не очень то в них вникая. Даже болезненный для Беларуси языковой вопрос, может быть решён только после решения вопросов базовых – экономических. Народу в принципе всё равно, на каком языке говорить, главное правильно поставленная агитация и пропаганда. В начале 90-х годов, в недолгий период белорусизации, народ вполне нормально воспринимал то, что обучение в школах переводилось на белорусский язык. А воспринимал он это так, потому что ему всё равно, это для него не первостепенной важности вопрос. Хотя для страны в целом, вопрос языка очень важен. Национальное самосознание (несмотря на свой «метафизический» характер) очень сильно влияет на развитие страны, и ключевой отличительной особенностью нации является, конечно же, язык. В Беларуси не должно быть двух государственных языков, так как белорусы в стране составляют 80%. При этом, все разговоры о том, что если русский перестанет быть государственным языком, то часть населения будет ущемлена, не имеют под собой серьёзных оснований. Мы слишком тесно связаны с Россией в разных областях жизнедеятельности, благодаря чему русский язык всё равно будет использоваться. Будет ситуация как на Украине, государственный язык – украинский, но большой процент населения свободно говорит по-русски. Если же, государственных языка будет два (как теперь), то в реальности белорусского практически не будет вообще (даже если его не будут ущемлять власти), потому что культурное влияние России слишком сильно.

Правая оппозиция, на сегодняшний день, занята преимущественно этой культурной проблематикой, то есть всё поставлено с ног на голову, базисные вопросы сдвинуты на второе место, а те, решение которых возможно лишь после решения базисных, на первое. В итоге, мы получаем национальную субкультуру, которая, безусловно, очень много делает для сохранения культуры и исторического наследия Беларуси, для возрождения основ национального сознания, но при этом не может являться серьёзной политической силой. Интеллигенция и профессиональные политики в современном мире две разные группы, и хотя Беларусь отстаёт в своём развитии, её это тоже касается. Кстати, приход Лукашенко к власти, как нельзя лучше это иллюстрирует. Он политик, но ни как не интеллигент.

Говоря об идеях, выдвигаемых этими партиями в области экономики, следует отметить главное – все они вертятся вокруг европейского примера рыночной экономики, мало обращая внимание на специфику Беларуси. Беларусь, в отличие от Европы, не имеет ни в одной отрасли промышленности или (тем более) сферы услуг ни соответствующих технологий, ни ресурсов, чтобы конкурировать на мировом рынке. Единственное, что есть в Беларуси – дешёвая рабочая сила, но даже об её качестве сложно говорить, учитывая подход большинства людей к труду, который сформировался у них в советское время. Однако, безусловно одно, Беларуси придётся пройти через рыночные реформы, и чем позднее это произойдёт, тем это будет болезненнее для страны и её народа. Только таким способом, Беларусь сможет вписаться в мировое сообщество и начать развиваться, а не находиться в эпохе вечного застоя, как сейчас.

Левая оппозиция (если не считать коммунистов, которые больше сотрудничают то с правым лагерем, то вообще не понятно с кем – вспомните конгресс левых сил, на котором явно лоббировались российские интересы) организована, в первую очередь, вокруг вопросов экономических и антифашизма. Последнее направление деятельности этих организаций сыграло с ними злую шутку. Оно стало одной из причин смещения этих организаций из политических в субкультурные рамки. (Об этом подробнее буду говорить

в соответствующей статье). К радикальным левым можно отнести в основном анархистов, революционных социалистов и неортодоксальных марксистов (и тех и других считанные единицы) и массу анархо панков, хардкорщиков и т.п., которые, как правило, имеют небольшое представление о политике, как таковой, и каких-либо идеях. Последних, в основном привлекает ореол антиглобалистского движения, музыка и антифашизм. Кстати, антифашизм здесь, зачастую, становится обратной стороной фашизма и не более. То есть, активисты этого движения (так же как и большинство фашистов) мало вникают в саму идеологию антифашизма, а просто бьют фашистов (ярко выраженных) на улицах. Это можно сравнить с футбольными хулиганами, которые дерутся просто так (игра такая). Недаром, в последние годы в антифашистском (как и в фашистском) движении отмечается приток футбольных хулиганов.

Говоря о тех левых, которые, всё-таки, шире субкультурных рамок антифа движения, следует сразу отметить, что их значительно меньше, чем представителей правой оппозиции. Эти люди пытаются трансформировать различные левые идеологии (неавторитарные) к белорусской специфике, но, как мне кажется, главная проблема в том, что они не могут уйти от устаревших идеологических догм. Левая идея для того, чтобы она снова стала серьёзной альтернативой капитализму, должна быть полностью трансформирована. Этого требует тот факт, что и капитализм, в течение 20-го века, изменился очень сильно. Именно поэтому, левая идея себя исчерпала, ведь то, что предсказывал Маркс и его последователи, не оправдалось. Анархизм и прочие либертарные течения в политической мысли, хотя и отличаются от марксизма по ряду существенных идей (в отношении государства и централизации управления), но они мыслят теми же категориями (классовая борьба и т.д.).

Следует чётко понимать, что большинство молодёжи, а именно она является той силой, которая может что-то изменить в стране, смотрит не на теории и идеи, а на реальные примеры жизни (они проще и ближе). Она сравнивает жизнь в Беларуси с жизнью в её ближайших европейских странах-соседках (Литве, Польше, наконец, Украине), и видит, что жить там несравнимо лучше, и в плане экономики, и в плане политики (свобода, соблюдение прав и т.д.), и в плане культуры. В итоге, те, кто заинтересован политикой, скорее примыкают к правой либеральной оппозиции, нежели к левой, которая отрицает экономическое и политическое устройство капиталистических стран, при этом предлагая взамен модели, не имеющие практического подтверждения и сами по себе, зачастую, весьма спорные и неоднозначные.

Говоря о деятельности организаций, следует помнить о низовых активистах, оценка деятельности которых часто может идти в разрез с оценкой главного курса организации. Низовой активизм всегда несколько отличается от деятельности на вершинах иерархической пирамиды. И, в первую очередь, это обусловлено тем, что деятельность сама по себе происходит на местах, с простыми обывателями, а не с политиками, как в случае взаимодействия лидеров. Но начать следует с того, почему вообще люди начинают заниматься той или иной деятельностью, и почему чаще всего они начинают ею заниматься в составе каких-либо партийных организаций.

Казалось бы, ответ на этот вопрос прост. Есть люди, которым не безразлична судьба их страны, а есть те, кто надеется подняться по карьерной лестнице, то есть исходит из меркантильных интересов. Есть и третья группа, молодые ребята, которые ищут новых увлечений. И таких, обычно, больше всего. При том это касается всех направлений политического спектра и большинства стран. Не исключение из этого и Беларусь.

Касательно правых партий, хочу сказать, что в большинстве из них большая текучка кадров. Главным образом, это заключается в том, что на их «высокопарную» агитацию ведутся молодые люди (школьники, студенты), которые далеко не всегда отдадут себе отчёт в том, что это за идеи. Их интересует сама деятельность, как таковая, имидж и тому подобное. После жёстких репрессий со стороны властей, а кому-то это

просто надоедает, они покидают эти организации, освобождая место для «нового поколения». Этому способствует и методика действий правой оппозиции. Большинство акций заключаются в раздаче листовок на улицах, вывешивании растяжек или проведении митингов. Небольшие по численности акции остаются не замеченными населением, зато влекут за собой репрессии властей, что потом предъясняется как доказательство борьбы этих организаций. Не для кого не секрет, что они получают финансовую поддержку из Европы, и такие методы борьбы служат для «вытягивания» денег из западных товарищей.

Говоря о левых низовых активистах, сразу отметим важное отличие. Основная масса, представители панк, хардкор и т.д. субкультур, являются эквивалентом текучих школьных и студенческих кадров в правых организациях. Но их отличие состоит в том, что большинство из них ни в какие организации не приходят, и из них не уходят. Они остаются в своих субкультурах, и их интерес к левым идеям, ограничен рамками, в которых эти идеи соприкасаются с их субкультурой. Деятельность левых в Беларуси не направлена на привлечение внимания, так как денег им особо ждать неоткуда, да и численность серьёзных активистов не позволяет ими размениваться.

Обобщая, хочу сказать, что большинство активистов (как правых, так и левых) далеки от серьёзной политики, и от понимания идей, которые они «поддерживают». У подавляющего большинства всё это остаётся на уровне значков «за свободу» или «анархия» (в зависимости от организации и идеологии) и лозунгов, прочитанных в листовке или услышанных в песнях. Надо сказать, что любая идеология, с чётким набором постулатов (то есть полностью сформировавшаяся) очень быстро начинает костенеть. А создание организаций, само по себе, предполагает наличие усреднённой для всех идеологии. Иван Ильин ещё в начале века отмечал, что умному человеку не нужно вступать в партии, так как все они слишком примитивны и носят усреднённый характер. С этим можно соглашаться или нет, но усреднённость идеологий, поощряемая партиями (и чем больше их размер, тем более размытыми становятся идеи, ведь надо угодить всем сторонникам), не идёт на пользу делу. Однако в одиночку нельзя добиться реализации политических целей, поэтому существование политических организаций необходимо.

Специфика белорусских оппозиционных сил в их разрозненности и неготовности к общим конструктивным действиям. В стране помимо деления на левых и правых, которые, зачастую, презрительно относятся друг к другу, вместо того, чтобы объединиться перед лицом общего врага, существует ещё и разрозненность внутри каждого лагеря. Главная причина этого – неумение чётко определиться с тактикой и стратегией и определить первостепенные цели. Все пытаются создать единую программу на все случаи жизни и на много лет вперёд, перепрыгивая в итоге через насущные цели, и выставляя вперёд очень отдалённые, решить которые невозможно даже за несколько десятилетий. В итоге, лидеры оппозиции либо делят деньги, либо занимаются выпуском очередных деклараций и созывом очередных съездов, а власти получают массу возможностей (даже самим придумывать не надо!) для дискредитации своих политических противников.

Социальное значение музыки. Субкультуры как форма протеста. Механизмы функционирования мейнстрима.

Тема музыки настолько разнообразна, насколько и противоречива. Это и тема для научных исследований, и тема для всевозможных субкультурных «пересудов». В этой статье, я хочу поговорить о музыке как основе для образования субкультур и, как следствие, популяризации различных идей (в том числе и политических), то есть о социальном значении музыки.

Ни один вид искусства, кроме музыки, не смог стать основой для создания хоть каких-нибудь, значительных молодёжных субкультур. И если, в отношении живописи, литературы или театра, можно сказать, что эти виды искусства никогда не были

массовыми, что и объясняет очень узкое распространение всевозможных субкультур, появившихся в их рамках, то такой распространённый вид искусства, как кино, тоже не стал основой для образования заметных культурных объединений молодёжи. Совсем по иному обстоят дела с музыкой. На протяжении всего 20-го века (особенно его второй половины), музыкальные субкультуры будоражили западное общество. Можно выделить несколько характерных, для этих субкультур, особенностей. Во-первых, в большинстве субкультур, музыка была основой для их появления, но в последующем играла второстепенную роль для большинства последователей. Это утверждение требует пояснения, что я и сделаю далее. Во-вторых, крупнейшие субкультуры, которые порождали революции в молодёжном мышлении и поведении, со временем теряли свою значимость, уступая место новым. Ни одной из них, во второй раз, не удалось подняться на «олимп». Это также требует дальнейшего исследования и объяснения.

Но для начала, кратко отметим этапы развития музыкальных субкультур. Развитие музыки до 20-го века сложно назвать бурным. Собственно, кроме народной музыки, существовала только классическая (как её принято называть сегодня) и её более упрощённые вариации. Народная музыка, будучи прикреплённой к обычаям, традициям и укладу жизни большинства, уже только поэтому не могла стать основой для какой-то отдельной субкультуры, она не содержала, требуемых для этого, факторов выделения представителей субкультуры из общей массы. Классическая была, в первую очередь, доступна высшим сословиям, и имела строго установленный характер. Эта музыка строго соответствовала канонам создания музыки, выработанным в течение столетий, и давала мало возможностей для эксперимента. Следует отметить, что в 20-м веке такие эксперименты, всё же были сделаны – атональная музыка, неоклассика, минимализм. И это говорит о том, что помимо стилистических особенностей для возникновения музыкальных субкультур, в то время (до 20-го века) не хватало других необходимых факторов. Основным из них, по моему мнению, является возможность быстрого распространения информации (в том числе и музыкальной), что в 20-м веке, с развитием, необходимых для этого технических средств, позволило создать массовую культуру, как таковую. Главным механизмом массовой культуры является искусственно создаваемая мода на тот или иной «культурный продукт». В 19-м веке таких технологий ещё не существовало, что и обусловило наряду с неразвитостью стилистического разнообразия музыки, невозможность образования музыкальных субкультур. Заметьте, что в области науки, которая тогда бурно развивалась и в области политических течений, с нею связанных, определённые объединения молодёжи уже появлялись. Это были, конечно, люди, вовлечённые в эту науку (студенты, преподаватели), именно поэтому данные «предсубкультуры» не могли быть массовыми.

Также и в отношении литературных субкультурных течений можно сказать, что в начале 20-го века появились те же дадаисты и футуристы, и многие другие, но по тем же причинам они также не стали массовыми. Это были объединения людей, вовлечённых в данный вид искусства, люди посторонние, не интересовавшиеся новыми веяниями искусства, о них могли никогда и не узнать. В отличие от этого, в наше время, о различных субкультурах подросток может узнать из телевизора. Никогда специально их не искавши, и даже не предполагавши об их существовании, он случайно натывается на телепередачу (или рекламу, в которой в последние годы повсеместно используется имидж различных субкультур) и в нём пробуждается интерес.

Первая музыкальная субкультура появляется с первым независимым (от сословных или традиционных факторов) музыкальным стилем – джазом. Эта субкультура ещё очень неявно выражена, она практически не имела присущих всем последующим культурам атрибутов в одежде. Одеждой для тогдашних любителей джаза, так же как и для людей, исполнявших эту музыку, служили классические костюмы с галстуками. Но это культура имела явную (даже если она не высказывалась) политическую и социальную позицию – антирасизм. Джаз играли в основном чёрные, и те, кто его слушали, показывали свой

протест против расовой дискриминации, существовавшей тогда в США. Во времена джаза понятие массовой культуры ещё только зарождалось, и основные технологии ещё проработаны не были.

Следующей субкультурой стали битники. Это уже субкультура во всех смыслах, со своим имиджем, мировоззрением и, конечно же, музыкой. Именно субкультура битников стала предтечей и основой хиппи. Уже в это время, в среде студентов-битников начинают распространяться левые идеи. Информации об этой субкультуре не много, но её заслуги в формировании культуры хиппи огромны. Можно сказать, что битники стали авангардом хипповской революции 60-х годов.

1960-е годы – эпоха взрыва молодёжи, взрыва вполне объяснимого. Послевоенное американское и европейское общество, в котором развивается капитализм, и ценности культуры потребления, в котором существует масса запретов и норм, должно было взорваться. И этот взрыв случился. Взрыв длительностью в десятилетие (хотя точные рамки, конечно, определить сложно). Сейчас много можно услышать об этой культуре. Много негативного, иногда позитивного, а чаще шуточного, как о рудименте давно ушедшей эпохи. А ведь, культуру хиппи нельзя сводить к наркотикам и сексу. Культура хиппи пыталась создать альтернативу капиталистическому потребительскому миру, состоящему из работы и дома, в которых всё разложено в согласии с определённой иерархией. Именно из среды хиппи новые левые получили массовую подпитку. Среди хиппи были популярны многие философские и политические идеи левого толка. Достаточно вспомнить о коммунах, которые повсеместно организовывали хиппи на основах самоуправления. Я не буду расписывать всех нюансов и достижений данной субкультуры, это уже сделали многочисленные авторы, занимавшиеся изучением субкультур. Хочу только отметить значение музыки в данной субкультуре. Движение хиппи создало рок музыку как таковую, выделив её из блюза. Именно благодаря им начинается движение и развитие рока.

В начале 70-х годов, движение хиппи пошло на спад, что было вызвано, в первую очередь тем, что представители движения повзрослели, а мир, в котором они жили, изменился. Хиппи превратились в яппи, успешных представителей среднего класса. А рок музыка стала вполне приемлемым, то есть включённым в мейнстрим, стилем музыки. Рок музыканты ездили на лимузинах, жили в дорогих особняках, а свои песни записывали в профессиональных студиях.

На этом фоне произошла вторая молодёжная революция – панк революция. Движение панков, в отличие от хиппи, изначально, вообще не имело в своей основе никаких политических и социальных идей. Оно представляло собой бунт молодёжи против стереотипов общества, против зажавшихся музыкантов, в общем, против того, что их не пускали ни на экраны телевизоров, ни в прессу, никуда. Везде нужны были образцово показательные представители молодёжи, которые стремятся стать достойными членами общества (в чётко установленном смысле этого слова). И хиппи, и панки стремились отличаться от серых однообразных представителей массы. Но отличались они по-разному. Если имидж хиппи исходил из их увлечённости всевозможными восточными философско-религиозными течениями и стремлением быть естественнее, то отличия панков – это желание выглядеть ярче любым способом. Ещё одним важным отличием является то, что панк субкультура всегда была несравнимо агрессивнее субкультуры хиппи. Этому можно искать разные причины. Во-первых, панк культура начиналась не со студентов, а с выходцев из бедных районов. Во-вторых, опять же, первоначальная безыдейность панков. В-третьих, панк ведь был революцией против продукта хипповской революции – рок музыки.

Но, как и первая молодёжная революция, панк революция закончилась включением данного стиля в мейнстрим. Коллективы, основатели данного стиля, подписали выгодные контракты со звукозаписывающими лейблами, одежда «в стиле панк» стала выпускаться и продаваться в магазинах. Идея о том, что нужно быть непохожим на других превратилась

в лицемерие, потому что панк культура, как и остальные субкультуры до и после неё, окостенела, установив строгие рамки в одежде и музыке. Панк революция была куда менее длительной, всего несколько лет (если считать некоторые волны независимого панка после того, как Sex Pistols и прочие вошли в индустрию коммерческой музыки). Политические идеи в панк пришли уже на исходе революции, сформировав направление анархо панка, которое живо до сих пор и о котором я буду говорить дальше.

Панк революция стала вторым и последним, на сегодняшний день, бунтом молодёжи, организованной вокруг музыки. В 90-е годы было повальное увлечение гранджем, чуть позже поп-панком, но это не носило того характера революции и сопротивления, которые были у хиппи и панков. Резонно задать вопрос: почему? Ведь многие проблемы общества так и остались нерешёнными? Или может, главной движущей силой было желание детей вырваться из-под влияния родителей? Так и сейчас, проблема «отцов и детей» никуда не делась. Почему же она не выливается в очередную революцию молодёжи?

Ответ нужно искать в развитии западного общества, а точнее всё в той же массовой культуре. С появлением самого понятия, с развитием средств трансляции модных музыкальных (да и любых других новшеств) через океаны мгновенно, появились и субкультуры. Главным техническим достижением в этой сфере стало телевидение, повсеместное распространение которого к концу 50-х годов (Европа уже восстановилась после войны) и совершило этот взрыв. Но в то время, ещё, видимо, не до конца были поняты все возможности управления и манипуляции людьми с помощью моды и масскультуры. Окончательно механизм сформировался только после панк революции, когда «продавцы культуры» поняли, что люди нуждаются в бунте, обновлении, в постоянном движении. А значит нужно им его давать, и зарабатывать на этом деньги. В итоге, всё новое и революционное очень быстро поглощается мейнстримом и становится очередной статьёй доходов для предприимчивых людей. Мейнстрим требует обновления, притом постоянного, на место «поглощённого бунта» должен приходиться новый. Ярким свидетельством этого является та же левая антиглобалистская культура, которая уже давно стала частью мейнстрима. Майки с Че, палестинские платки, тысячи ребят, которые не очень то вникают в идеи, за то очень любят подраться с полицией (экстремальный спорт) на различных акциях протестов.

В рамках данных процессов происходит ещё один – атомизация культуры. Собственно, этот процесс является общим практически для всех сфер жизни. Даже на первичном уровне происходит атомизация индивида, что выражается во всё менее тесных связях между представителями социума. Этот процесс обусловлен развитием техники, повышающей независимость людей, и разрушением (исчезновением) традиционной морали, их связывавшей. Атомизация культуры заключается в появлении всё большего количества стилей и направлений. Правда, надо сказать, что на данный момент искусство подошло к границам возможного. Так в живописи есть стили, где в картинах нет сюжета, пятна краски и т.п. В музыке есть стили, в основе которых хаотические сочетания звуков. В литературе, это созданный ещё в начале века дадаизмом – поток сознания. В итоге, ценность произведений такого искусства не в их качестве, а в их новизне и радикализме. Ими восхищаются, зачастую, только потому, что раньше такого никто не делал. В связи с этим можно долго рассуждать о понятии сенсации и её роли в нашей жизни, но это тема для другой статьи. В то же время, стандартные образцы искусства, понятные большинству и принятые ими, упрощаются до предела, превращаясь в ширпотреб. Не обходят стороной эти процессы и те направления и субкультуры, которые всячески пытаются отделиться от мейнстрима и не участвовать в его деятельности. В первую очередь это касается анархо панка.

Прежде чем перейти к обзору этой культуры, хочу сделать вывод о роли музыки в субкультурах. Музыка, во всех из них является лишь тем стержнем, вокруг которого появляется субкультура. Но очень быстро в субкультуре появляется своя форма одежды, и

элементы (или целая система) мировоззрения. Вместе с этим, музыка, оставаясь необходимым, объединяющим всех членов субкультуры, признаком, отходит на второй план. Важным становится именно само ощущение общности (принадлежности к группе, которая, в свою очередь, отличается от других). А что является главным показателем принадлежности к этой группе (субкультуре)? Конечно же, внешний вид. Именно поэтому для большинства представителей любой из субкультур (особенно крупных) всё, зачастую, начинается с имиджа, а музыка принимается ими как должный элемент. На этом, кстати, для большинства всё и заканчивается. Это «бунт», порождённый мейнстримом (искусственно распространяемая мода) и объективными тенденциями развития общества (его атомизация во всех сферах жизни). Ответить на вопрос, почему именно музыка стала стержнем, объединяющим людей в субкультуры, однозначно нельзя. Главные факторы, определившие её роль, по моему мнению, следующие:

1. Музыка является единственным видом искусства, которое можно использовать в качестве фона. А значит, она сопровождает нас в течение всей жизни.
2. Музыка – популярный вид развлечения, так как именно она является основой танца, который, в свою очередь, сближает людей.
3. Музыкой могло заниматься больше людей нежели, к примеру, кино, так как она требует меньше специального оборудования.
4. Музыка живое искусство, объединяющее людей в процессе исполнения её на концертах.

На мой взгляд, именно эти факторы определили значение музыки в создании субкультур.

Теперь о социальном в музыке, и в субкультурном мировоззрении. Различные политические и социальные идеи, как я уже писал, присутствовали в большинстве субкультур, но мало где они составляли единственную и главенствующую часть субкультуры. Впервые это можно отметить только в анархо панк субкультуре. Данное течение в панке появилось во время заката панк революции. Первыми группами, явно определившим свои анархо взгляды, принято считать Crass и Conflikt. С тех пор, по всему миру в панк культуре всегда было и есть анархо направление, самое непримиримое и политически активное, которое всегда пытается быть независимым и вне массовой культуры.

В одно время с панком, в бедных районах США, бурно развивалось направление в молодёжной культуре, которое получило название хип хоп. Данная субкультура сильно отличалась от всех остальных. Во-первых, это была чёрная культура, и долгое время среди белого населения она была мало распространена. Во-вторых, эта культура изначально имела социальные корни. Не политические или философские, а именно социальные, то есть те, в основе которых были не идеи, а реальные проблемы. Не имея средств для того, чтобы играть музыку (ведь нужны инструменты), бедное чёрное население создало свою форму выражения – речитатив, который уже впоследствии был положен на простую ритмичную музыку – бит. В рамках хип хоп культуры был создан свой танцевальный стиль – брейк данс; и новый вид изобразительного искусства – граффити, который позже был перенят многими другими субкультурами.

Возможно, у вас возникнет вопрос: почему я пишу именно об анархо панке и хип хопе, почему их сравниваю? Эти два стиля (культуры) я выбрал именно по признаку «социальности». И тот и другой изначально имели в себе идейную базу. Анархо панки, называют свою музыку социальной, придерживаясь конкретной политической концепции. Хип хоп появился, как способ сказать о своих проблемах. Сразу стоит оговориться, что я не буду рассматривать в данной статье модный хип хоп, темой для которого служат вечеринки, машины, одежда и т.д., как не буду рассматривать и поп-панк. Эти два стиля носят чисто развлекательный характер и являются ещё одним примером того, как любое искусство поглощается мейнстримом.

Главное о чём я хочу сказать – это разделение понятий политическое и социальное. Анархо панк, в основной своей массе, является политическим, но не социальным. Хип хоп является социальным, но не политическим. Тексты большинства анархо панк групп представляют собой набор лозунгов, то есть агитационную листовку, положенную на музыку. Эти тексты говорят, с помощью фраз-штампов, что хорошо, что плохо, и проповедуют светлое будущее. Но разве может это показаться реальным тому, кто страдает от конкретных проблем, и кому «не светит» дожить до этого будущего? Однообразие и примитив этих текстов приводят к тому, что каждый думающий человек увидит пустоту, сквозящую из них. Большинство самих поющих особо не вникают в эти идеи, ограничиваясь познаниями из нескольких журналов и листовок. Очень редко можно встретить анархо-панк группу, с настоящей социальной лирикой (хороший пример – группа Deviation). Хип хоп же, крайне редко политизирован, но зато он насыщен личными текстами, которые не предлагают усреднённый вариант всеобщего счастья (на уровне теории), а поёт о реальных проблемах конкретного человека (на уровне реальной жизни). Там часто не дают путей решения, но зато высказывают мнение по темам, мнение реального человека, не ограниченное установками идеологии.

Кто-то, возможно, скажет, что своей безыдейностью хип хоп вошёл в мейнстрим без какого-либо сопротивления. Я не буду спорить, что хип хоп часть мейнстрима, и даже записи социально ориентированных групп не плохо раскупаются в некоторых странах. Причины этого я уже описал (смотрите выше о бунте и мейнстриме). Однако анархо панк, который пытается выпускать записи по принципу D.I.Y. (сделай сам), также стал частью мейнстрима. Он просто создал альтернативный мейнстрим, который ничуть не перечит официальному. Он использует те же носители, что и крупные компании звукозаписи, а значит, участвует в индустрии. Это просто сеть независимых лейблов, которые выпускают СВОЮ музыку для СЕБЯ. Такой подход не является борьбой с современной музыкальной (и любой другой) индустрией, потому что независимое движение (в этой области) всё равно не может достигнуть полной независимости (хотя бы в ресурсах – диски, оборудование и т.д.). Это отдельное направление производства и потребления для членов одной субкультуры. Конечно, данное направление является важным, так как позволяет объединить независимое искусство и создаёт пути для его распространения. Но оно не является альтернативой мейнстриму, так как связано с ним.

Подытоживая, хочу сказать:

1. Музыка не должна превращаться в агитационные листовки. В ней должен оставаться интуитивный эмоциональный компонент искусства, то, что делает творчество отдельной сферой жизни общества.
2. Настоящая социальная музыка исходит из реальной жизни, то есть, наполнена бытовыми проблемами, а не теоретическими рецептами счастья на все случаи жизни.
3. Массовая культура, благодаря своим техническим возможностям (в первую очередь средствам связи и массовой информации) породила явление молодёжных субкультур, а также процессы атомизации и смены этими субкультурами друг друга.
4. Культурный протест является необходимым условием развития культуры, в том числе и мейнстрима. Самые радикальные противники мейнстрима обычно поглощаются им в первую очередь, так как являются наиболее интересными для падких на сенсации обывателей, а также наиболее простой (будучи рассчитанным на пропаганду среди молодёжи) подпиткой массовой культуры и шоубизнеса.

Культурная глобализация. Альтернатива: атомизированная культура.

Процессы глобализации, в той или иной форме, были присущи нашему обществу всегда. Развитие общества возможно только при постоянном обмене достижениями разных стран, народов и, главное, культур. Однако до начала эпохи индустриализации, эти процессы были вялотекущими. С развитием капитализма, глобализация набирает обороты. Этому требовала, бурными темпами развивающаяся, экономика. В свою очередь, развитие экономики подстёгивали технические достижения. В первой половине 20-го века, такое бурное развитие вылилось в перепроизводство и экономический кризис. Выход был найден в государственном регулировании экономики, а также в популяризации потребления. Жажда потребления была присуща людям всегда, являясь частью их психологии, и появление капитализма стало следствием (а не причиной) потребительских (собственных) стремлений человека. Просто, до эпохи капитализма, человечество не имело технических средств для столь бурного наращивания собственности. С развитием мореплавания, западный мир получил дешёвые ресурсы, что в свою очередь стало основой для становления и развития капитализма. Капитализм был и остаётся самой удобной системой для развития этих потребительских желаний людей. Однако, начиная с середины 20-го века, тенденции к повальному потреблению, как удобное средство для постоянного расширения производства в богатых странах, стали специально популяризоваться, приняв гиперболизированные размеры. При этом важно учитывать и тот факт, что сдерживающие факторы, одним из которых была христианская религия (до протестантизма), также потеряли своё значение. В итоге, потребление было возведено в ранг главной моральной ценности.

Средства массовой информации, которые являются главным оружием в популяризации моды, пропагандируя потребительство, одинаковое для всех, усреднённое, стали косвенной причиной появления оппозиции этим модным течениям. Я уже писал об этом в статье о субкультурах. Здесь я не буду снова описывать механизмы протеста мейнстриму, и то, как они со временем становятся его частью. Я бы хотел подробнее поговорить об атомизации общества, в том числе и культуры, и о том, что это является одной из возможностей отстаивания культурной независимости в условиях глобализации культуры.

Глобализация сегодня набирает обороты. Это объективное явление в условиях информационного общества. Во все времена, главным отличием человека от животных была его деятельность по созданию духовной культуры. Экономическая деятельность ставит нас лишь технически выше, но суть не меняется, мы создаём, чтобы потребить, чтобы выжить. Предметы духовной культуры, в отличие от культуры материальной, производимой экономикой, не являются обязательными для комфорта человека, и представляют его более высокий уровень развития. При этом именно через культуру (или псевдокультуру) осуществляется пропаганда тех или иных идей, ценностей, верований. А значит, только отстаивая своё независимое культурное пространство можно сохранить осознание своей неповторимости, как личности. Для того чтобы распространять очередной «культурный продукт» необходимо создавать что-то новое. И хотя часто это новое мало чем отличается от всем привычных стандартных образцов культуры, переделанных на новый лад, сама тенденция к новизне и отличиям породила понятие атомизации в культуре. Это понятие подкрепляется и техническими возможностями. Сейчас для того, чтобы заниматься творчеством и распространять его результаты не нужно выходить из дома. Нужен компьютер, специальные программы, и Интернет.

Вы спросите, каким образом это самое творчество может стать альтернативой глобализации? Я не говорю, что это средство, которое остановит глобализацию, тем более что остановить её нельзя, она объективный и необходимый для развития общества процесс. Я говорю, что атомизация индивида, как культурного субъекта, помогает каждому конкретному человеку сохранить свою индивидуальность. Этот процесс

сопоставим с созданием субкультур, каждая из которых была ответом на очередной этап культурной глобализации, и которая пыталась создать «другую культуру», альтернативную той усреднённой, которую навязывали с телеэкранов и радиоприёмников. Отличие атомизированной культуры от той, которую предлагали субкультурные объединения, в первую очередь, в масштабе. Атомизированная культура – это культура, создаваемая небольшими сообществами для себя самих, а чем меньше количество людей, для которых создаётся культурный продукт, тем менее он будет усреднён.

Понятие атомизации в основе такой культуры. Но эта «культура единиц» может стать реальной альтернативой единой глобализированной культуре, которая, конечно, не заменит её, но развиваясь параллельно, будет предоставлять людям выбор. Для этого необходимо создавать сообщества, сети, объединяющие всех творчески активных и нестандартных личностей. В качестве примера можно привести то же движение независимых медиа активистов (Indymedia), но с одним отличием – оно не должно быть ограничено рамками одного политического спектра. И хотя, Indymedia позиционирует себя, как открытое для всех, независимое СМИ, в его работе участвуют практически только представители неавторитарных левых. В итоге, даже такое независимое СМИ усредняется под конкретную идейную базу. Как пример, ещё можно привести D.I.Y., движение, которое ограничилось рамками анархо панка, хард кора, краста и т.д.

Сети, основанные на атомизированном искусстве должны объединять очень разные направления, и не только политические. Это должны быть объединения, создающие новую культуру, а не агитационные листовки. Ведь листовки – это средство для достижения целей (пусть и глобальных) одного политического течения, тогда как культура – это залог существования думающих людей, людей которые стремятся что-то сделать, людей, на деятельности которых основывается общественный прогресс и разнообразие. В создании таких сетей помогут те же средства, с помощью которых пропагандируются и привычные для нас формы культуры, то есть, в первую очередь, Интернет.

Хочу провести ещё одну параллель между описанными мною и уже существующими сообществами. Сети атомизированных творцов могут стать в области культуры эквивалентом гражданского общества в политике, только эти объединения будут более «материальными», в плане того, что они будут на виду и их деятельность будет легче описать и проанализировать.

Атомизированную культуру, по-другому, можно назвать элитарной. Элитарной, не в смысле принадлежащей некой элите, но в смысле, создаваемой небольшими группами, и по своему определению не являющейся массовой и усреднённой.

Два противоположных, но взаимосвязанных процесса, происходящие в современном обществе – глобализация, усреднение культуры, и атомизация элитарной культуры. На основе второго процесса можно создать сообщество, которое станет заменой изживших себя молодёжных субкультур (их социальных функций) в рамках информационного общества, и поможет создать новую богатую культуру, не включённую (полностью) в мейнстрим.

«Левые» идеи и «левый активизм».

Оценка различных идеологий левого толка была и остаётся темой статей различного рода «специалистов», от журналистов до учёных. Стоит ли этим заниматься? Ведь от оценки меняется не много, сторонники у идеологии остаются, а значит, она, так или иначе, живёт. Однако жить идеология может в разных формах. И эти формы зависят, в первую очередь, от последователей. Это может быть политическое движение, а может быть субкультура. Так что же на сегодняшний день представляет собой левое движение?

На мой взгляд, следует чётко разграничить теоретическое направление и практику. Они, конечно, связаны между собой, но на сегодняшний день, явно видно, что две части

одного и того же политического направления живут по разным законам и с разными целями.

Основные теоретические направления левой идеологии – марксизм и анархизм. Все остальные – это те или иные ответвления от этих направлений в более авторитарную или либертарную стороны. Идеологическая база и того и другого течений была разработана в 19 – начале 20-го века. Я не буду оценивать то, насколько их идеи соответствовали тому времени, но явно то, что современности они не соответствуют абсолютно. Марксизм был несколько усовершенствован франкфуртской школой и «новыми левыми» в 60-е годы, но серьезных изменений в основных постулатах сделано не было.

С развитием капитализма, общественная структура и экономическая система всё больше и больше усложняются. В итоге, постулаты классовой борьбы выглядят всё более абсурдно. Сегодня мы не можем поделить мир на хозяев и наёмных работников. Во-первых, достаточно большую прослойку составляют мелкие торговцы, предприниматели, владельцы и одновременно работники учреждений сферы услуг. Во-вторых, бизнесмены, менеджеры и посредники также занимают важное место в экономической системе. Собственно их существование говорит о том, что они нужны экономике, а не наоборот. Учитывая всё многообразие товаров и сложность их обмена в глобальных общемировых масштабах, посредничество стало необходимым звеном этих обменных процессов. Все эти люди создают общественно полезный продукт в форме услуг. Управление процессами производства, также, является необходимой общественно полезной деятельностью. Именно поэтому, деление на «хороший» пролетариат и «плохую» буржуазию полностью себя исчерпало. Кроме того, тот же класс наёмных работников стал настолько разнообразным, и этот процесс продолжается, что различные социальные группы в рамках этого класса в реальности не имеют практически ничего общего, а значит, не могут представлять единую политическую силу. Политические силы организуются, главным образом, вокруг идейного стержня, и никогда не состоят из представителей одной социальной группы. Двигателем изменений (революционных и эволюционных) всегда являются люди из абсолютно разных слоёв населения. И чаще всего из средних и богатых слоёв, так как у них больше возможностей для того, чтобы заниматься умственным трудом, сопряжённым с общественной деятельностью. Это подтверждает и состав левых организаций, в которых найти рабочих очень сложно. Массы же следуют за умелой агитацией этих людей. Можно сказать, что они делают изменения, но без организующего начала, они никогда и ничего не сделали бы. Классовая борьба порождает в обществе разнь, на основе которой не могут быть созданы позитивные изменения, так как для них необходимо сотрудничество разных слоёв общества. На реальном уровне, в случае любой революции, классовая борьба приводит к гражданской войне и разрухе, на основе которой создание нового общества не возможно. Это ещё одно доказательство ошибочности призывов к классовой борьбе. Постулат о классовой борьбе, сам по себе, толкает теории левого толка в панэкономизм (чем, кстати, грешил Маркс). Отношения между людьми гораздо шире, нежели их экономические связи. И часто внеэкономические связи объединяют людей куда сильнее, чем принадлежность к классу. Все, реально существовавшие, объединения, на основе самоуправления, в своей основе имели и имеют не классовое единообразие, а идейные связи. Примерами могут быть и религиозные общины, и коммуны, и сквоты. Однако, несмотря на все противоречия подавляющее большинство «левых» продолжает проповедовать классовую борьбу.

Критикуя капитализм, часто вполне заслужено, и марксизм, и анархизм, предлагают весьма сомнительные альтернативы. Общество на основах самоуправления, которое должно быть достигнуто согласно и той и другой идеологии, не представляет собой точной логически выверенной, в соответствии со всеми нюансами психологии человека, концепции. Красивый постулат об объединении людей в общины, на основе самоуправления, которые сообща решают все политические и экономические вопросы, владеют собственностью все вместе, без конфликтов, иерархии и угнетения, при

ближайшем рассмотрении порождает массу вопросов, на которые данные теории ответа не дают. Хотелось бы рассмотреть основные из них:

Всеобщее владение собственностью. Наличие собственности, при всех минусах, которые оно порождает в обществе, имеет ряд достоинств. Во-первых, владение собственностью, является одним из факторов, определяющих индивидуальность человека. К примеру, материальные носители, которые доносят до нас достижения культуры, помогают нам определиться с направлением своих интересов и увлечений. Если бы этой собственности у нас не было, то и возможности нашего развития сузились бы. Во-вторых, собственность требует ответственности. Когда у человека ничего своего нет, или всё общее, то и ответственности у человека нет. Это психология. В-третьих, собственность – один из факторов прогресса. Только осознавая, что, производя и накапливая какие-то вещи, человек может повысить СВОЁ благосостояние, он стремится к какой-то деятельности.

В случае крупной собственности (предприятия и т.д.) встаёт ещё один, чисто практический, вопрос: а как большинство людей абсолютно не сведущих в вопросах управления предприятиями, будут этим заниматься? Левые обычно предлагают следующий ответ: нужно создавать группы специалистов, которые будут управлять предприятиями под контролем всего народа. Товарищам, ратующим за подобные идеи, следовало бы подумать или хотя бы почитать пару учебников по социологии. Группа специалистов, которая заведомо превосходит большинство благодаря своим знаниям, всегда может навязать любые решения относительно деятельности управляемого субъекта, выдав их при этом за наиболее выгодные. Таким образом, настоящим владельцем этих предприятий будут группы специалистов, а «народная собственность» будет уже не раз создаваемой фикцией. И, наконец, кто будет работать на этих заводах, если все будут собственниками? Почему одни будут просто собственниками, а другим ещё и работать там придётся? Да и кто будет решать, кого к какой группе относить?

Решение политических и общественных вопросов сообща. Решение локальных вопросов осуществляется всеобщим собранием жителей общин, а глобальные вопросы решают делегаты, которые контролируются людьми их выдвинувшими, и могут быть в любое время отозваны. Как видно, отличие от современной представительной парламентской демократии, в том, что избиратели имеют право отзыва своих представителей. Однако, учитывая, что представители будут наиболее квалифицированными в тех вопросах, на решение которых они избраны, снова получаем их превосходство в информации, а значит и в возможностях манипуляции большинством. В итоге, получим мнимый контроль большинства, и реальную власть меньшинства. Плюс, ко всему принятие решений большинством, как и созыв советов делегатов, имеет один существенный организационный минус. На всё это требуется много времени, значительно больше, нежели при работе постоянного парламента, а многие решения требуют быстрого решения. Особенно это касается предыдущего пункта – управления предприятием. Предприятие должно работать постоянно, и решения должны приниматься руководством в кратчайшие сроки. Если же руководство будет спрашивать согласия на то или иное решение у «собственника» – народа, то они будут постоянно опаздывать. В глобальном масштабе, мы получим дефицит товаров, и увеличивающийся разрыв между потребностями населения и их решением экономической системой.

Равенство. Относительно равенства, возникает в первую очередь вопрос о распределении обязанностей и деятельности. Если все равны в возможностях, то, как будет распределена работа, тяжёлая физическая и умственная? Ведь при всех заверениях, о том, что умственная работа тоже тяжела, урон здоровью человека от неё значительно меньше, нежели от работы физической. Если же перевернуть существующее положение дел наоборот, то есть «установить» заработную плату для рабочих, которые выполняют физическую работу выше, чем для тех, кто занимается трудом умственным, то мы снова, в итоге, получим имущественное неравенство. Кроме того, в силу воспитания и ряда других

факторов, многие люди, войдя во взрослую жизнь, оказываются не равными по своим способностям. Это выражается в интересе и желании действовать у одних, и пассивности и привычке «плыть по течению» у других. В итоге, с годами, первые развиваются, а вторые деградируют. Как можно «уравнять» этих людей? Всегда будет либо ущемление более развитых и активных, либо незаслуженное возвышение пассивных, что снизит у многих стимулирование к деятельности и развитию. Зачем, если и так поддерживают и обеспечивают равные (достойные) условия существования? Кстати, даже сейчас мы можем видеть подтверждение этому. В наиболее развитых странах, появился и бурно развивается новый тип безработицы, которая основана на высоких пособиях. Люди просто не хотят работать, потому что пособия позволяют нормально жить и ничего не делать.

Разностороннее развитие всех. Тесно связано с предыдущим пунктом. Трудовая деятельность человека тесно связана с его интересами, и, как следствие, с развитием его способностей. Часто, человек изначально ориентированный на физический труд, только потому его и выбирает, что с детства не привык учиться. Ему проще делать тяжёлую, но простую работу, нежели сидеть за столом и писать научную работу. Соответственно ни о каком всестороннем развитии в данном случае речи не идёт. Какова бы социальная система ни была, при разграничении труда мы получим и разграничение направленности людей на нетрудовую деятельность.

Концепция такого утопического общества не выдерживает критики, и явно не стыкуется с реальными общественными процессами, как и с психологией человека. Любая серьёзная концепция должна отталкиваться от реальных фактов и склонностей человека, а не выдавать желаемое за действительное, пытаясь подогнать под свои догмы реальность.

Общество, основанное на равенстве и самоуправлении, сильно напоминает христианский (да и любой другой религии) рай. Кстати, первые христианские общины, некоторые восточные и современные религиозные (нетоталитарные) секты построены на принципах самоуправления. Коммуны хиппи, сквоты панков и анархистов и ряд других объединений, также, основаны на этих принципах. Однако не следует забывать, что люди входящие в эти объединения связаны общими идеями и мировоззрением и именно это является главным связующим фактором. Общество же состоит из разных людей, большинство из которых ни в какие идеи вникать не стремится. Во-вторых, все эти объединения существуют в рамках капиталистической системы, и, зачастую, сами ничего не производят (а значит, и управлять им ни чем не приходится). В-третьих, подобное существование подходит далеко не всем людям, в силу объективных и субъективных причин. Одна из них – характер и темперамент личности, её склонности.

Классические левые теории окостенели и устарели. Современность требует избавиться от старых несоответствующих ситуации подходов, и создать новые теории.

Можно долго спорить относительно различных революций, которые проповедовали те или иные левые идеи, и которые закончились победой или поражением. Можно анализировать, что из этого вышло. И анализ подавляющего большинства таких революций и последующих «народных режимов» только подтвердит несбыточность утопичных идей. Естественно это можно по-разному трактовать. Противники левых теорий трактуют тоталитарные режимы, возникшие на их основе, как единственно возможное следствие этих теорий. Сторонники говорят о том, что идеи были задушены на этапе революции наиболее хитрыми и кровожадными «крыльями» в революционных силах, которые были тоталитарно направлены, или силами «буржуазной реакции». В любом случае, возникает вопрос: если эти идеи на самом деле были востребованы и поддержаны народом, то почему народ не воплотил их в реальность? Ведь все тоталитарные режимы приходят к власти при народной поддержке, или, как минимум, попустительстве. Тот же капитализм, в своё время, будучи востребован большинством народа, победил феодальные порядки, несмотря на их ожесточённое сопротивление. Капитализм оказался более жизнеспособной системой, каковой остаётся и поныне. И в

этом главная причина краха левых идей и революций, которые они порождают – большинством такие идеи не востребованы и они не жизнеспособны.

Это касательно теории, ещё хочу сказать пару слов о практике. На сегодняшний день, наиболее известной и видной практической реализацией левых идей является антиглобалистское движение. Сегодня капитализм проходит стадию глобализацию. Данные тенденции и процессы проникли не только в экономику, но и в культуру, науку, и многие другие сферы жизни общества. Соответственно и левое движение стало протестовать против транснациональных компаний, движущих глобализацию в экономике. Альтернативой глобализации капиталистической, антиглобалисты (или альтерглобалисты) предлагают всё тоже глобальное бесклассовое общество, на основе самоуправления. О нём я уже говорил выше. Хотелось бы сказать о самом движении антиглобалистов. Движение это весьма разношёрстное. Там можно найти тусовщиков всех мастей, от хиппи и панков, до успешных представителей среднего класса, которые приезжают на акции протеста, на дороги трейлерах. В своё время, антиглобализм стал модой. Конец 90-х годов ознаменовал собой пик активности антиглобалистов. Позже, с началом антитеррористической истерии в Европе и США, мода на антиглобализм спала, так как у многих они ассоциировались с радикалами и, даже, террористами.

Для начала следует задаться вопросом, что в реальности делают антиглобалисты. Противодействие глобализации со стороны данного движения, главным образом, заключается в масштабных акциях протеста против саммитов G8, но разве это решает проблему? Саммиты G8 – это следствие, а не причина глобализации, это встречи лидеров самых богатых и влиятельных государств по вопросам ведения бизнеса. Протесты имели бы смысл, если бы протестующие предлагали реальные изменения в рамках существующей системы, а не выступали за её уничтожение, и последующее создание альтернативного общества. Глобализация идёт, и от этого никуда не деться. Единственно возможный выход – предложить конкретные изменения в проведении данной политики, в рамках капитализма. Это может найти отклик в различных социальных группах. Предложения же о глобальном переустройстве не найдут такого отклика, так как не могут быть воплощены в реальность в течение небольшого времени. Глобализация сегодня проводится в одностороннем порядке, она открывает пути экспансии крупных западных компаний в страны третьего мира, но пути для товаров, производимых странами третьего мира, на рынки Запада остаются закрытыми. В некоторых отраслях (в частности, лёгкой промышленности) страны Азии находятся впереди Европы, благодаря объективным факторам (дешёвая рабочая сила, климатические условия для выращивания сырья и т.д.). Если бы рынки Европы для этой продукции были открыты, то страны-производители из третьего мира могли бы получать немалые доходы, что, в свою очередь, стало бы основой для их развития и уменьшения разрыва со странами первого мира. Но это невыгодно западному бизнесу, который заинтересован в односторонней экспансии. Вот в этом, реальном, направлении должна вестись борьба антиглобалистов.

Методы протестов – отдельная тема для разговора. Практически ни одна акция не проходит без погромов. Полиция, безусловно, является провокатором во многих из них. Но ведь можно на провокации и не поддаваться. Глобальные идеи по изменению общества могут стать востребованными только после длительной и качественной пропаганды. Важнейшим пунктом организации любой агитации и пропаганды являются её методы. Насильственными методами можно только дискредитировать движение в глазах обычных обывателей, что и происходит с антиглобализмом.

Любая деятельность, а тем более такая масштабная, как антиглобализм, требует немалых финансовых средств. Откуда эти средства? Как ни парадоксально, многие акции спонсируются корпорациями «второго эшелона». Таким образом, антиглобалистское движение является оружием в их конкурентной борьбе.

Поверхностность идей антиглобализма проявляется в том, что они нашли для себя «козлов отпущения», на которых повесили все грехи современности. Это, конечно же,

ТНК, при том среди них есть особо «ненавистные», к примеру, McDonalds. В отношении всех этих компаний ведётся пропаганда, которая пытается довести до большинства людей вред, который они приносят. Но никто из представителей данного протестного движения не говорит (или не понимает), что в современных условиях, мы не можем обойтись без ТНК. Существует ряд товаров, которые находятся во всеобщем употреблении, и которые не может произвести небольшой завод. Производство таких товаров рентабельно и выгодно только при очень больших объёмах. Самый яркий пример, ноутбуки. Для производства корпусов для ноутбуков используются специальные станки (прессы). Каждый такой пресс рассчитан на производство 500 тысяч штук. После этого он списывается и выпускается новый. Такой пресс стоит дорого, и он не окупается, при производстве небольшого количества корпусов (скажем 50 тысяч). Сделать производство такого рода рентабельным могут только крупные ТНК. Именно поэтому Вы можете встретить внешне похожие модели ноутбуков, к примеру, фирм Acer и Asus. И этот пример не единственный. Во многих отраслях необходимо существование транснациональных компаний, которые благодаря большим объёмам и связям между своими филиалами в разных странах, могут сделать продукцию рентабельной и доступной.

Антиглобализм превратился в субкультуру, интересную ролевую игру для молодёжи, которая хочет погромить центральные улицы европейских городов, но не хочет выглядеть хулиганами. Эту силу легко использовать, навязав им простые и понятные идеи. Это давно испытанный метод – показать врага, а толпа начнёт его уничтожать. Не удивительно, что это использовали специалисты некоторых компаний, которым не повезло оказаться на первом месте в конкурентной борьбе.

Левое движение, сделав ставку на антиглобализм, лишний раз, дискредитировало себя в глазах большинства обывателей. Это, в сочетании с устаревшими догмами теоретических концепций левого толка, превращает левых в маргинальную субкультуру, выталкивая их с поля реальной политики. Изменить положение и вернуть позиции, можно только изменив идеологию, превратив её в комплекс конкретных мер, направленных на реформирование общества, с решением его основных проблем на современном этапе, а не призывая к уничтожению всего сущего и созданию нового идеального.

Ещё раз о методе или революция не панацея. Мнимые надежды левого движения.

Любая деятельность требует разработки специальных методов, и от того, насколько хорошо они проработаны, часто зависит успех в достижении поставленных целей. Теории, которые ставят перед своими последователями глобальные стратегические цели, часто используют методы, которые противоречат поставленным целям. Ультраправые партии, ставя целью, уничтожение всех «нечистых» пытаются это осуществлять в реальности, то есть методы соответствуют целям. Умеренные правые и либералы, выступая за проведение каких-либо реформ или принятие законов, также применяют соответствующие методы – агитацию и участие в парламенте. Левые же, предлагая коренное изменение общества, на основе самоуправления, равенства, а значит и согласия людей, возлагают самые большие надежды на революционный метод преобразования общества. Но разве возможно с помощью насилия создать систему, основой которой является мир и согласие? Я не буду здесь писать о плюсах и минусах насильственных и ненасильственных методов в достижении политических и социальных целей. Главное то, что революция, какой бы широкомасштабной она не была, и какие бы цели перед собой она не ставила, никогда не сможет совершить серьёзные преобразования в обществе. В само понятие «революция» можно вкладывать разные смыслы. Главным образом, под ним понимаются коренные преобразования в разных сферах жизни. При этом научная революция и революция политическая в государстве абсолютно разные понятия и по происходящим событиям, и по времени. Научная революция часто длится несколько лет, в

то время как революция государственная дело короткого времени (хотя, конечно, бывают исключения). Научная революция – это цепочка важных достижений и открытий, то есть приобретение новых знаний, которые меняют представления о мире (но не всегда опровергают старые представления). Революция государственная – это свержение старых порядков и замена их на новые, то есть, своего рода, очищение. Бывают, конечно, революции, которые не меняют систему, а меняют только правящую партию. Но это явление правильнее называть переворотом, а не революцией.

В отношении левого движения, и возлагаемых им надежд на коренное революционное преобразование общества, хочу сказать, что они ведут в тупик. Любые глобальные изменения представляют собой сложный и длительный процесс, который состоит как из революционных, так и из эволюционных событий. Возьмите за пример становление капитализма. Он пришёл на смену феодализму не сразу, не в ходе одной глобальной революции. Развитие капитализма – это эволюция, эволюция во всех сферах жизни, от экономики до религии, морали и мировоззрения людей. И в эту эволюцию были включены несколько революций, которые меняли только отдельные элементы – режимы и формы правления отдельных стран, устанавливали конституции и гарантии прав для определённых групп населения.

В случае бесклассового общества, методы его построения ещё сложнее, потому что преобразования должны быть значительно более глубокими, нежели в случае перехода от феодализма к капитализму. Революции в этом процессе, также, могут занимать лишь промежуточное (хотя важное) значение, они могут служить для демократизации общества той или иной страны, для свержения тоталитарного режима в пользу демократического. Но собственно идеи отрицания государства, идеи самоуправления, идеи равенства и антииерархии, могут распространяться только средствами мирной агитации и никак иначе. Только поняв их суть и необходимость, люди могут начать строить какие-то элементы будущего общества, которые со временем будут вытеснять отжившие эквиваленты из современной эпохи. В случае революционного свержения существующего порядка, ничего нового создано не будет, произойдёт откат к прошлому, к диктатуре. Это произойдёт, в первую очередь, потому что люди не будут понимать необходимости построения новых социальных институтов, да и сам процесс такого построения на пустом месте будет невозможен, ведь для любого социального строительства нужна основа, стабильная экономическая, политическая и социальная база, из которой можно черпать ресурсы. К примеру, такое важнейшее понятие для демократии, как гражданское общество, создавалось в странах Западной Европы десятилетиями, проходя сложнейшие стадии. Однако, только в тех странах, где гражданское общество реально существует, существует и уважение к личности, к окружающей среде, и т.д., то есть существует мировоззрение, на основе которого возможны дальнейшие преобразования. Там где ничего этого нет, легко появляются тоталитарные и авторитарные режимы, людьми можно без проблем манипулировать, а альтернативные политические идеологии находятся в маргинальном состоянии.

Ярчайшими свидетельствами попыток революционного построения коммунизма полнится история 20-го века. Большевики, Мао Цзе-дун, Пол Пот, Ким Ир Сен и многие другие. На каждом континенте (разве что, кроме Австралии, Антарктиды и Северной Америки) популистские идеи о светлом будущем, позволяли вождям взять власть над целыми народами на долгие годы, что стало причиной уничтожения огромного числа людей, ряда войн, нищеты и отставания этих стран. Можно, конечно, долго анализировать все эти революции, находить ошибки, говорить, что коммунизм там не был построен, что там был капитализм. Только, этот, как его называют «государственный капитализм» очень сильно отличался от капитализма «буржуазного». И экономика этих режимов была и остаётся плановой, а экономическое отставание этих стран лишней раз показывает преимущества рынка. Да и вообще-то, следовало бы обратить внимание, что ни в одной из стран «победившего социализма» большинство населения не понимало провозглашаемых

идей, и просто выживало, как могло в «естественных» условиях. Это ещё один факт в пользу того, что революционный путь для левых идей тупиковый. И не нужно говорить относительно революций, потерпевших поражение, что они то уж точно установили бы бесклассовое общество, они бы установили такую же диктатуру. Даже, произойди революция, сегодня, в развитой европейской стране, с гражданским обществом, с политически активным населением, всё равно, ничего бы не было построено, в силу названных выше причин, на серьёзные изменения нужно очень много времени и длительная работа в спокойных, а не революционных (военных) условиях.

Государственный путь построения социализма (коммунизма и т.д.) не менее тупиковый, ведь когда государство получает большие права и начинает вмешиваться в различные сферы жизни, в первую очередь, в экономику, то оно в короткое время превращается в диктатуру. Чтобы государство исполняло возложенные на него функции, эти функции не должны быть очень широкими, а население должно постоянно следить за соблюдением своих прав. Функции государства должны ограничиваться принятием законов, их исполнением и гарантированием прав различных социальных групп. Население же должно быть активным, как в области политики, так и в более широких областях общественной жизни (всё тоже гражданское общество). Именно поэтому, я считаю ошибочными и наивными все надежды на современные «левые» режимы, которые заявляют о движении к социализму или другим альтернативам капитализму. Я писал свои замечания по отношению к таким режимам (в частности режиму Чавеса) в статье о геополитическом положении. Такие режимы, как раз и являются ярким подтверждением тупикового пути государственного построения любого «свободного» общества. Государство, по своей сути, это ограничение свободы во благо безопасности (соблюдения прав) и не более того. Оно не является двигателем изменений, так как для этого необходима свободная инициатива, а государство призвано её «нормировать» (ограничить). Поэтому любые изменения могут идти только снизу и только постепенно, как того требует развитие человечества в целом.

В качестве заключения хочу ещё раз напомнить об ошибках левого движения в локальных действиях, точнее в методах применяемых на акциях протестов. Это касается антиглобалистов и всех, кто с ними связан. Разбивая машины и витрины магазинов, нельзя найти сочувствие у тех людей, которые в этих магазинах одеваются или едят, приезжая туда на тех же машинах.

Таким образом, методы, как на локальном практическом, так и на глобальном теоретическом уровне, противоречат выдвигаемым идеям, и, как следствие, дискредитируют левое движение в глазах большинства, превращая его в маргинальную субкультуру.

Об экономической дилемме.

Основной вопрос, который делит сегодня левые организации, с одной стороны, и правые, либеральные, консервативные, с другой, это вопрос относительно типа экономической системы. Экономика стоит в основе всей общественной структуры, является её базисом. И хотя надстройка, в виде других сфер жизнедеятельности, сильно влияет на базис, экономические отношения остаются определяющим фактором строения любой формации. Основа капитализма – рыночная экономика. Основа рыночной экономики – конкуренция. Данный принцип из экономики распространяется и на все остальные сферы жизни капитализма, в том числе и на культуру, и на мораль. В связи с этим в развитии капитализма можно выделить несколько тенденций.

Атомизация общества. Начиная с зарождения капитализма, в разных странах по-разному, но происходит один процесс. Сначала начинают разрушаться общинные формы жизни. Далее, происходит всё большее разделение труда, с отделением его от другой деятельности человека. В итоге, происходит отчуждение человека от продуктов его труда.

Следующий этап – разрушение морали, с потерей ценностей, которые были основаны на общинной жизнедеятельности. Как следствие отчуждение человека. Многие учёные пытались найти первопричину данных процессов и тенденций. Маркс писал об отчуждении человека от средств производства и продуктов труда. Дюркгейм видел причину в разделении труда. Тённис говорил о том, что город представляет собой общество независимых индивидов, связи между которыми постоянно слабеют. Деревня же представляет собой общину, члены которой тесно связаны. Процессы урбанизации приводят к разрушению общины. Тема отчуждения человека находила отражение и в трудах более поздних исследователей. Философия экзистенциализма сделало эту тему основой своих рассуждений, но никто не дал конкретных способов решения данной проблемы.

Рост потребления. Развитие капитализма привело к увеличению возможностей производства. Не последнюю роль в этом сыграл научный прогресс. Однако со временем это привело к кризису перепроизводства. Выход был найден в увеличении потребления в богатых странах. Этот процесс тесно связан с атомизацией общества, а точнее с разрушением старых ценностей. На смену им стали потребительские ценности. При этом ни кого не интересовало то, что достижение этих ценностей законными методами возможно лишь для узкого круга людей. Следствием из этого стало нарастание в обществе состояния аномии – то есть состояния, для которого характерно отсутствие морали, низкий авторитет законов, ощущение безысходности у многих членов общества. Следствием из этого стали такие тенденции, как рост преступности, алкоголизма, наркомании. Социологи и криминалисты, исследовавшие это явление, предложили ряд мер, которые снизили выше перечисленные негативные последствия установок на потребительские ценности, однако они не решили проблему, так как основа (потребление) осталось не тронутым. Развитие капитализма во второй половине 20-го века расширило число людей (в странах Запада), которые могут получить потребительские блага легальным путём, но проблему это также не решило. Рост производства требовал всё более изощрённых методов навязывания продукции населению. Для этого стали появляться целые науки, такие как маркетинг и брендинг. Именно с помощью создания бренда делается модным какой-либо продукт. Бренд следует понимать не только в примитивном смысле, как логотип фирмы-производителя. Брендами, на сегодняшний день, стали стили одежды и имиджа (панк-имидж, хип-хоп, эмо и т.д.), идеи (антиглобализм), исторические персонажи (Че Гевара – бесспорный лидер продаж) и многое другое. Брендинг сейчас является главной технологией поддержки сверхпотребления, во всех сферах жизни общества. Он даёт людям смысл жизни – погоню за новыми товарами. Этот смысл жизни полностью сочетается с потребительскими ценностями. Тем же, кто не в состоянии успевать за модой, остаётся существование в рамках аномии. Позитивным фактором потребительства является стимулирование научных разработок. Потребителям навязывают всё более новые модели товаров, которые мало чем отличаются от старых, но всё же отличаются. Для разработки этих новых моделей нужен труд сотен специалистов в разных сферах науки и техники. Это поступательное движение является гарантией прогресса, и со временем приводит к появлению абсолютно новых технологий в разных сферах производства. Однако, проблемы потребительства данное его достоинство, конечно, не решает.

Разрыв между странами первого и третьего мира. Эта тенденция капитализма имеет исторические корни. Бурное развитие Европы, которое началось с Великих географических открытий, нарушило нормальное развитие стран Азии и Африки, породив то, что мы имеем на сегодняшний день. Большинство из этих стран являются источниками сырья для экономики Западного мира. И, хотя они уже не являются политическими колониями, экономическая зависимость многих из них сохраняется до сих пор. К тому же, нарушение естественного хода их развития, привело к тому, что они остались полуфеодальными. Это определило экстенсивный путь развития этих стран, их экономика

строится на добыче полезных ископаемых, а не на развитии технологий. Надо сказать, что в этих странах ещё сильны старые системы морали, в частности религиозные (исламские страны), поэтому распространение потребительской культуры в них идёт не такими темпами. Но в условиях глобализации невозможно оставаться в стороне от главных тенденций развития человечества. Именно поэтому, чаще всего, барьеры на пути западной культуры – искусственно созданные. Сама потребительская культура является утилитарной, в чём её главное превосходство над ценностями (часто аскетичными) религиозной морали. Кто же не хочет жить удобно и богато? Плюс ко всему, западные потребительские ценности построены на свободе выбора, что является очень востребованным в тоталитарных и авторитарных государствах Азии и Африки.

Экологический кризис – тенденция, тесно связанная с предыдущей. Постоянно ускоряющиеся темпы роста производства ведут к росту добычи ресурсов, а ресурсы ограничены. И это, является главной причиной того, что капитализм движется к краху. Недавно разведанные месторождения нефти и газа, говорят о том, что этот крах ещё не скоро, но если никаких изменений в подходах к жизни не произойдёт, то рано или поздно он наступит. К тому же этот процесс усугубляется нарастающими экологическими проблемами.

Альтернатива рыночной экономике, экономика плановая. С одной стороны, она имеет ряд преимуществ. Во-первых, такая экономика лишена внезапных кризисов. Во-вторых, она не предполагает постоянного роста производства. В-третьих, планирование распределения позволяет решить проблему разрыва между очень бедными и очень богатыми.

Однако существует очень важная проблема. Плановая экономика лишена реальных возможностей регулирования производства. В рыночной экономике это делают объективные законы спроса и предложения. Они устанавливают, как цену, так и уровень производства каждого товара. Конечно, существует ряд косвенных факторов, которые влияют на эти процессы, но в целом, рыночные законы справляются с задачей регулирования. В плановой же экономике, цену и уровень производства определяет аппарат чиновников. В итоге, в различных отраслях наступают кризисы, либо перепроизводства, либо дефицита товаров и услуг. Это вызвано ещё и тем, что такое планирование требует значительно больше времени, нежели рыночное регулирование. Поэтому, даже при «идеальных» чиновниках, такая система значительно уступает рыночной. А чиновники, также, являются заинтересованными лицами. И, как правило, их возможности, а в итоге и доходы, оказываются значительно больше, чем у остальных людей. Экономика, подконтрольная государству, а имена таковой оказывается плановая экономика, приводит к тоталитаризму, так как в руках правящей верхушки оказывается основа жизни общества – сфера экономики.

Ещё одна предлагаемая альтернатива – плановая экономика, но не государственного типа, а на основе всеобщего управления и общественной собственности на средства производства. О нестыковках в механизмах такого управления, я уже писал в статье «Левые идеи и левый активизм». Такая экономика будет руководиться узкой прослойкой специалистов, которые и будут реальными собственниками средств производства, а принятие важнейших решений на собраниях всего населения, парализует реальную работу предприятий и всего социума, так как потребует огромного количества времени, и чревато вмешательством большого числа людей, ничего в этом не смыслящих.

На сегодняшний день реальных альтернатив рыночной экономике нет. Но рыночная экономика, будучи построена на основе конкуренции, распространив потребительские ценности во все сферы жизни, движется к краху. В западном обществе распространяется состояние аномии, исчезают ценности, которые являются важнейшими для развития и возрождения общества (ценность семьи, материнства, отцовства и т.д.). Ещё больше аномия свойственна для стран, которые находятся в состоянии перехода к рынку, особенно для постсоветских стран. Разрыв стран первого и третьего мира можно

сократить только в случае переориентации экономики на другие принципы, которые остановят рост уровня производства, а соответственно и рост разрыва между странами. На локальном уровне конкретной страны, ограничением для «дикого» рынка могут стать только законы и социальные гарантии государства. Ярким примером являются страны Западной Европы.

Лидеры, авторитеты и их отрицание.

Принцип отказа от авторитетов, лидеров и любой иерархии является одним из главных для неавторитарных левых. И, казалось бы, всё правильно, ведь именно через иерархическое строение осуществляется угнетение нижестоящих вышестоящими. Но при этом забывают о некоторых моментах, касающихся как иерархического строения, так и лидеров.

Иерархическое строение и централизация отношений между людьми, помимо минусов, имеет один плюс – скорость принятия решений и осуществления действий. Естественно, что небольшая группа людей всегда примет решение быстрее, нежели какой-либо съезд или собрание, так как на коммуникацию уходит намного меньше времени. Исключение составляют бюрократизированные централизованные организации. С развитием общества, количественным увеличением и качественным усложнением связей между различными его компонентами (число которых, также, постоянно увеличивается), важной ценностью стала информация. Вместе с ней, большое значение, приобрело время. Только во время полученная и использованная информация может принести пользу. В рамках глобализации, общественные процессы не только становятся взаимосвязанными (всё теснее), но и протекают всё быстрее. Техническая революция за считанные годы меняет жизнь в развитых странах. Как следствие, происходят глобальные изменения и в социальной структуре этих стран, и в сферах жизнедеятельности, и в строении общества. Так, человек получает всё большую независимость, с одной стороны, и всё больше управляется и зомбируется, с другой. И тот и другой процесс стали возможны благодаря развитию техники. Появление персональных компьютеров дало человеку новые возможности деятельности в различных сферах, но в то же время, они сделали его зависимым от самой этой техники и всего, что с ней связано (чего стоит только зависимость от компьютерных игр и Интернета). Ценности потребления получили в лице компьютеров и телевизоров (в совокупности с другими техническими новшествами) новые средства пропаганды и навязывания людям абсолютно ненужных «потребностей».

Как с этим связано иерархическое строение связей между людьми? Достоинство, о котором я сказал выше, позволяет только при иерархическом строении групп принимать те или иные решения быстро, то есть экономить время. Особенно это важно в экономике, построенной на принципах конкуренции.

Касательно лидеров, следует начать с того, что во всех организациях, в том числе и либертарных, отрицающих само понятие лидерства, существует лидер. Он может быть неформальным, но он есть. Этот лидер пользуется авторитетом. Само наличие лидера говорит о том, что принцип, провозглашаемый этими людьми, не работает даже в их собственном окружении. Почему так происходит? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в природе лидерства. Я не буду перечислять различные научные подходы к этому понятию, тем более что они часто весьма противоречивы. В нашем случае достаточно ограничиться простым объяснением. Человек, который активно занимается какой-либо деятельностью (в том числе, в рамках некой организации), получает известность среди других людей, которые также вовлечены в эту деятельность. Эта активность и является основой его авторитета. Другие, менее активные и деятельные люди, на его фоне, отходят на второй план, а он выделяется, что делает его неформальным лидером. То есть, ничего плохого в таком лидерстве нет, так как этот лидер не обладает какими-то особыми средствами влияния на своих товарищей, всё основывается на

взаимном интересе и согласии, но иерархическая структура всё равно существует. Все связи с другими организациями обычно происходят через этого негласного лидера, опять же благодаря его активности.

Исходя из этого, можно сказать, что именно лидер является двигателем организации. Он налаживает контакты с другими организациями, он мобилизует людей на деятельность, он связывает части организации в единое целое. В социологии и политологии существуют теории, согласно которым движущей силой прогресса в обществе являются элиты, то есть лучшие, наиболее способные люди, обладающие лидерскими качествами. Время от времени, когда элиты перестают соответствовать времени, то есть теряют необходимые качества, происходит их обновление. Некоторые революции можно рассматривать именно как процесс обновления элит, когда на место старых из низов выделяются новые перспективные лидеры, составляя элиту государства или целой цивилизации. Данные теории, конечно, имеют массу минусов, и объяснять прогресс только деятельностью элит нельзя. Однако элиты являются своего рода стартером, который запускает пассивные массы, настраивая их на определённую деятельность. Такую же роль играют и неформальные лидеры, при чём их влияние часто крепче, нежели влияние лидеров формальных. Залогом этого является добровольное подчинение и уважение таких лидеров, в то время как формальный лидер может удерживать свои позиции силой, вопреки желанию подчинённых. Но такая власть лидера достаточно нестабильна, и, в конце концов, рушится.

Лидерство, само по себе, не несёт негативных последствий, так как позволяет сохранить плюсы иерархического строения (простоту и скорость коммуникации). Главное, это основания власти лидера. Если в основе – сила и принуждение, то это явно говорит об авторитарном лидерстве. Если же лидерство основывается на авторитете и не имеет средств принуждения, то лидерство – демократическое. Демократическому лидеру (тем более неформальному), в естественных условиях, значительно проще сохранить влияние и позиции, так как они предполагают непосредственное участие его сторонников в принятии решений. И, наконец, какой смысл призывать к уничтожению лидерства и иерархии, если сохранять её в своих же организациях?

Идеи и реальность или зачем врать самим себе?

Понятие популизма не чуждо большинству идеологий. Многие теоретики, всех цветов политического спектра, выдвигают идеи, которые, часто, сами же и опровергают. Многие эти идеи, к тому же, недоработаны, противоречивы или вовсе являются метафизическими конструкциями, слабо связанными с реальностью.

Самая показательная, в этом плане, идеология ультраправых. Она, практически, полностью состоит из абсурдных, и не выдерживающих никакой критики, идей. Идея о расовом неравенстве полностью опровергнута биологией и историей. Идея о сильном государстве является популизмом, потому что только демократические государства бывают по настоящему сильны. Для развития государства необходима свобода деятельности его граждан. Все серьёзные достижения, из которых и складывается прогресс страны в разных сферах жизни, основываются на свободной инициативе людей. В «сильном» тоталитарном государстве этого нет, что и приводит его к упадку и краху. Всевозможные мистические или псевдорелигиозные идеи, которые были и у нацистов и у современных ультраправых в разных странах, противоречат как историческим фактам, так и культуре наций, во имя которых эти идеи провозглашаются. Это лишний раз доказывает абсурдность и искусственную природу данных идей.

Либералы и прочие приверженцы капитализма, обычно пытаются показать всё в «розовом свете». Проблемы, которые они отмечают, обычно не касаются основ самого капитализма, и предстают как сиюминутные частные проблемы. Однако, это политический ход, направленный на сохранение популярности. Эти идеологии не

предлагают ничего сверх нового, поэтому явного абсурда в них меньше, они констатируют реальность и ограничиваются предложениями её «косметического ремонта».

Я бы хотел подробнее поговорить о левых идеях. В отличие от ультраправых они не являются такими абсурдными и убогими, однако, несоответствие реальности многих из них, также, на лицо. Проповедуя многие из них, люди показывают свою двуличность. И вот почему.

Провозглашая борьбу с транснациональными корпорациями, логично не пользоваться их продукцией, ведь это укрепляет позиции данных компаний. Однако все мы пользуемся компьютерами, магнитофонами, дисками и кассетами и многими другими устройствами. Всё это производится транснациональными компаниями.

Мы выступаем против брендов, но, опять же пользуемся их продукцией, потому что в некоторых областях промышленности, мелкие фирмы не могут достичь такого качества при той же стоимости. К тому же, мы сами производим бренды. D.I.Y. это бренд, анархо-панк это бренд, классовая борьба это бренд и т.д., то есть бренды в одежде, в музыке, в идеологии.

Мы говорим о равенстве и всестороннем развитии каждого после построения бесклассового общества, но что нам мешает развиваться сейчас? Почему многие этого не делают, оставаясь на субкультурном уровне и презрительно относясь к науке? Да и как можно построить новое общество, с нуля, без всесторонне развитых деятельностных личностей.

Мы говорим об убогости капиталистической потребительской морали, но создали ли мы что-то взамен? Ведь политическая теория, пусть и всеохватывающая (хотя левая идеология таковой не является) не может заменить мораль. Мораль и политика не одно и то же, хотя они тесно связаны.

Мы говорим, о том, что нужно освободиться от догм, которые навязывает капитализм, но не избавляемся от устаревших догм нашей идеологии.

Мы выступаем за свержение авторитетов и лидеров, но все мы прислушиваемся к людям, которые имеют для нас авторитет, а часто являются лидерами в тусовках или организациях.

Мы говорим о сопротивлении мейнстриму и создании независимого культурного пространства, и создаём такое же закрытое пространство, только по принципу идеологическому и стилевому.

Мы против фашизма, за равенство рас, но при этом ставим пролетариат выше мелкой буржуазии, а крупную буржуазию, всю без разбора причисляем к врагам. Значит, мы проповедуем классовую дискриминацию, часто без смысла.

Мы проповедуем всеобщий мир, и громим на демонстрациях магазины и машины. Мы противоречим сами себе, а значит, обрекаем себя на маргинализацию.

Антифашизм обратная сторона фашизма. Ролевая игра под прикрытием идеи.

Фашизм и антифашизм две стороны одной медали. Собственно антифашизм является ответом фашизму, а не самостоятельной идеологией. Но если посмотреть шире, с философских позиций, на эту проблему, то можно разделить всех людей на фашистов и антифашистов. Тогда, под этими понятиями нужно рассматривать не идеологические течения, а рабство и свободу. Насколько правомерно подобное сравнение и деление? Я считаю, что достаточно правомерно. Фашизм основывается на постулате о сильном централизованном государстве. Популистские лозунги о порядке и стабильности являются главными направлениями агитации фашистов. Крайнее направление – национал-социализм, добавляет сюда ещё и расовую теорию. Однако все ли люди считают стабильность и порядок главными ценностями? И являются ли эти понятия вообще ценностями? Упорядоченность и стабильность в любом процессе лишают его

вариативности развития. В отношениях между людьми, это выражается в невозможности реализации свободной инициативы, так как она противоречит упорядоченному, запланированному ходу вещей. А без свободной инициативы невозможно развитие, то есть наступает застой, который пытаются замаскировать понятием стабильность. Наконец, кризисы являются стимулом людей к деятельности для выхода из них, что опять же двигает прогресс. Стабильность и отсутствие кризисов предполагает отсутствие развития, потому что оно никогда не бывает гладким, и всегда проходит через стадии подъёмов и спадов (что уже само по себе нестабильно). Развитие общества основано на человеческой деятельности, а людям свойственно ошибаться, что опять же приводит к незапланированным и нестабильным последствиям. Таким образом, стабильность и порядок являются высшими ценностями только для тех, кто ничего не хочет решать и делать самостоятельно, то есть для рабов. Надо сказать, что такое состояние близко большей части человечества. Они ведомы различными небольшими группами людей, которые хотят, и думать, и действовать. Фашизм крайнее проявление такого положения дел (отношений между ведущими и ведомыми). В условиях демократии, такое управление всё же допускает для ведомых степень свободы деятельности, что является залогом развития общества и сохранения системы. В условиях фашизма, свобода деятельности исключена, что приводит данную систему к застою и разрушению.

В оппозицию фашизму, антифашизм следует сравнить с понятием свободы. Именно свобода должна быть для антифашиста одной из важнейших ценностей. Свобода всегда подразумевает определённую долю хаоса, так как я уже говорил, свободная деятельность не бывает идеально плавной. Доля хаоса, конечно, не подразумевает, что свобода – это вседозволенность. Она всегда ограничена свободой других, и абсолютная свобода может быть только если на планете останется один человек, да и то его всегда будут ограничивать рамки планеты, галактики, вселенной и т.д. Но заходить в рассуждениях так далеко не стоит, ведь это не имеет ничего общего с реальной жизнью. Реальная свобода – это уважение свободной инициативы (воли, деятельности) других людей. Это главный ограничивающий хаос фактор. Здесь, правда, возникает другой философский вопрос о добре и зле. Как относится к свободной воле, которая направлена на осуществление злонамеренной деятельности? Однозначно на этот вопрос не ответить, так как часто деятельность, которая приносит зло одним людям, приносит добро другим. Да и за всю историю философии, так и не было найдено однозначного ответа на вопрос: что же такое добро и зло. Его просто не существует. Разрешение проблемы злонамеренной свободной инициативы, я считаю, следует искать в главном демократическом принципе – власти большинства. То есть, если зло совершается на благо всего общества (к примеру, убийство серийного маньяка, свержение и казнь диктатора и т.д.), то такое зло допустимо. Хотя и это, конечно, не однозначное решение проблемы, оно не охватывает всех возможных ситуаций, но оно хотя бы позволяет ориентироваться в реальной жизни.

Основываясь на том, что для антифашистов важнейшей ценностью должна быть свобода всех людей, считаю, что антифашист не может поддерживать ксенофобию любого другого вида. А именно, антифашист не может быть гомофобом, сексистом и т.д. Иначе, он выступает только против фашизма, в классическом виде политической идеологии, при этом поддерживая его в других формах и сферах жизни общества. Конечно, каждая сфера жизни общества имеет определённую автономию от других, и поэтому, решение проблем в той или иной области жизнедеятельности имеет свои специфические особенности. В зависимости от разных причин (в том числе и личных), мы можем по-разному относиться к сексуальным (и другим) меньшинствам, но если мы выступаем за свободу, то и для них мы должны требовать свободу ровно настолько, насколько она не противоречит нашей.

На сегодняшний день, в левом движении, направление антифашизма является одним из главных и наиболее активных. Но активность в этой деятельности весьма

специфическая, и вот почему. Во-первых, во многих левых изданиях не редко встречаются статьи, относительно того, что буржуазный антифашизм – это лишь усугубление проблемы. Доводы в пользу этого утверждения таковы: раз фашизм появляется в условиях капитализма, путём сведения буржуазной демократии к диктатуре, то и причина его в самом капитализме. Соответственно, борясь против фашизма, но в пользу демократии, мы продлеваем существование этой системы, которая своими свободами подкупает пролетариат. Эти воззрения лишней раз показывают, насколько подобные теоретики далеки от реальной жизни. Вопрос: каких целей достичь проще, локальных или глобальных? Видимо, вышеупомянутые левые теоретики считают, что к глобальным целям можно подойти, не решая цели локальные. Как я уже писал в предыдущих статьях, я твёрдо убеждён, что путь к новому обществу лежит только через агитацию и постепенное реформирование существующего общества. Хотелось бы лишней раз призвать подобных теоретиков, строить свои концепции, беря за основу реальность и жизнь каждого конкретного человека, а не наоборот, подгоняя их под теоретические догмы. В условиях буржуазной демократии, жизнь всех слоёв населения куда лучше, нежели при диктатуре, и этого вполне достаточно, чтобы стремиться сменить фашистскую систему на демократическую. С тем, что демократическая система «подкупает» своими свободами я согласен, но ведь в том-то и суть, что она подкупает свободами, то есть даёт право и возможность действовать, чего нет в условиях диктатуры. А возможность действия распространяется и на политику, в том числе и на пропаганду идей нового общества. То есть демократия значительно ближе к нему, нежели диктатура. И тем, что она лишает возможностей совершить революцию («подкупая пролетариат»), она лишней раз подталкивает к использованию реформаторских методов.

Ещё одна проблема левого движения, связанная именно с антифашистским направлением деятельности, это приток в движение абсолютно безыдейных людей, главная цель которых – драка. Само движение, в подавляющем большинстве направлено на сопротивление ярко выраженным нацистам (бонхедам и т.д.), которые сами, в большинстве, никаких идей не придерживаются. Эта узкая прослойка является вершиной айсберга, которая не в состоянии повлиять на положение дел. Исключение составляют ситуации социальной и политической напряжённости, в которых данные маргинальные группы превращаются в реальную силу. Но это происходит только при одном важном факторе – государственной или финансовой поддержке данных групп. Такая ситуация сегодня произошла в России. У нас же, их используют только как средство для решения мелких задач. Стоит ли использовать насильственные методы сопротивления данным группам? В первую очередь, всё зависит от ситуации. Чаще всего, насильственные методы приносят только вред. Во-первых, насилие порождает насилие. В итоге, начинается война, которой нет конца, да и мало кого уже интересуют причины этой войны. Во-вторых, в движение начинается приток людей, которые хотят поиграть в «ролевые» игры. В частности, ярким свидетельством этого, является приток в фашистское и антифашистское движения футбольных хулиганов, которые до этого били друг друга просто так, за цвет шарфа, а теперь «за идею». Но есть ли у них хоть какие идеи? Практика показывает, что нет. Именно поэтому, через некоторое время, многие из них переходят в противоположный лагерь. К тому же, таких людей нельзя в полной мере считать антифашистами, ведь они не только не знают, что собственно собой представляет фашизм, но и к свободе они, также, не стремятся (о чём я писал выше). В итоге развития этих двух тенденций, остаётся только ярлык «антифашизм», ничего под собой не имеющий. Это просто игра для любителей «пощекотать нервы» с помощью насилия, новый вид экстремального спорта. Сами же корни проблемы лежат в социальной напряжённости и уровне морали в обществе. В странах с высоким уровнем жизни, проявлений фашизма меньше, хотя они всё-таки есть. Многие усматривают причину в рыночном типе экономике. Но в советском союзе в эпоху его заката, фашисты также были. Да и большевистская идеология, ни чем, в сущности, не отличалась, свободы у

людей при ней было ничуть не больше, чем при фашизме. Присутствовало и ущемление людей по национальному признаку, что роднит её с нацизмом. Рынок способствует развитию фашизма лишь в том смысле, что, допуская свободное развитие экономики, иногда проходит через стадии спада и повышения социальной напряжённости. Однако при отлаженном механизме политической и экономической деятельности (как в развитых странах Запада), такие последствия, также, сведены к минимуму. Проявления нацизма в современной Европе вызваны, в первую очередь, притоком иммигрантов из бедных стран. В связи с этим процессом, существуют реальные проблемы, главным образом проблемы культурной интеграции, но методы, предлагаемые фашистами, её решить не могут, да они и не на то направлены. Фашисты в этих странах, в современной ситуации, представляют собой маргинальную группу, а не серьёзную политическую силу. Кроме экономических факторов, по моему мнению, фашизм могут порождать факторы моральные, и это опять же подтверждается примером Европы. В состоянии, когда в обществе нет общепризнанной морали, или когда она подменена материальными ценностями, появляется возможность для навязывания любых маргинальных идеологий. Просто у людей не возникает вопроса: а что собственно в этом плохого?

Решение проблемы, кроется в борьбе с потребительским подходом, а также в повышении уровня жизни. Эти два направления, отчасти, противоречат друг другу. При повышении уровня жизни, люди получают больше возможностей для достижения потребительских ценностей. И здесь, появляются «зажравшиеся фашисты», то есть дети из богатых семей, которым хочется новых развлечений. Но это явление всё же не станет массовым, так как деньги предоставляют массу других развлечений, куда более приятных, а значит, основная масса будет ориентироваться именно на них.

Противодействие же уличному фашизму, в лице бонхедов, имеет смысл только в случае реальной опасности их прихода к власти, как в той же России. В остальных случаях, такая деятельность не даст положительных результатов. Во-первых, наличие сопротивления только подпитывает эти маргинальные группы, ведь они могут почувствовать себя «героями». Во-вторых, комплекс негативных последствий для антифашистского движения, который я описал выше. В-третьих, это слабо связано с реальными проблемами большинства населения, так как их нацисты не касаются, потому что они на них не обращают внимания (попросту не видят). Антифашизм имеет смысл, как глобальная идея о свободе и в купе с другими политическими идеями такой направленности. Уличное безыдейное воплощение этой идеи – кровавый и бессмысленный спорт.

Оптимизм или пессимизм. Фанатизм и толерантность. Поиск равновесия.

Подход к любому делу сильно влияет на результат. Не исключение из этого и деятельность в сфере политики. Часто в теоретических спорах слышал обвинения в пессимизме. При этом мой оппонент считал пессимизм одной из причин провала деятельности. Он говорил о том, что из-за таких пессимистов наши «светлые идеи» не находят распространения в массах. При этом сам он, конечно, был полон оптимизма относительно реализации теорий, которые поддерживал. Но стоит ли рассматривать пессимизм и оптимизм так однобоко? Ведь эти понятия часто противоречивы. Так пессимизм может оградить от провальной деятельности, помочь тем самым избежать жертв или потерь. Оптимизм же, при всех своих плюсах, часто приводит к пустой трате времени и сил. Нередко оптимисты стремятся снова и снова повторить одни и те же попытки достигнуть цели, не глядя правде в лицо.

Являясь двумя сторонами медали, оптимизм и пессимизм, позволяют находить компромисс – реализм, только на основе которого, можно построить деятельность, учитывая все нюансы ситуации и не впадая в крайности.

Пессимизм и оптимизм, в политической деятельности, связаны с понятиями фанатизма и толерантности. Оптимисты (в политике), которые, несмотря ни на что, верят в свою правоту, в определённые догмы, обычно являются фанатиками. Такие люди, чем дальше, тем сильнее «гнут свою линию», считая приемлемыми все средства для победы. Кстати, пример спора, который я привёл вначале, это подтверждает как нельзя лучше. Мой оппонент был и остаётся, уже на протяжении нескольких лет, фанатичным сторонником определённых политических идей. Его взгляды за это время, конечно, подверглись изменениям, но не в ключевых моментах, да и фанатизма ничуть не убавилось. В то же время, пессимисты, чаще вспоминают о толерантности и этике в деятельности. По моему мнению, это объясняется, в первую очередь тем, что они, насмотревшись на бессмысленные жертвы и разочаровавшись в идеях, начинают примеривать любую новую теорию или практическую акцию к их последствиям для людей.

Однако, это всё частные моменты, а теперь, в общем – фанатизм и толерантность, какое значение они имеют для политической деятельности. Фанатизм в большинстве случаев имеет для идеологии и целей, которые ставят её последователи, негативные последствия. В первую очередь, это застой данной теории. Фанатики слепо верят в догмы, не подвергая их сомнению и критическому осмыслению. Как следствие – теория не развивается. Кроме того, фанатики стремятся добиться реализации поставленных задач любой ценой, а значит, используют любые средства. Это отпугивает умеренных сторонников, а также делает практически невозможной хоть какую-нибудь агитацию и пропаганду идей в массах. Общим итогом таких последствий является маргинализация идеологии и упадок движения. И виной тому фанатизм. Однако то, что фанатики используют любые методы, часто позволяет им победить. В определённых ситуациях, когда агитация невозможна по объективным причинам, в ход идут жёсткие методы. Фанатики используют их скорее, нежели умеренные и толерантные политики. Эта решительность и приводит их к победе.

Толерантность же наоборот позволяет распространить идеологию среди наибольшего числа людей (что очень важно для левых теорий), так как она исключает излишний радикализм идеологии, которого боятся обыватели. Толерантность подчёркивает направленность идеологии на человека, её гуманность. Минусом может быть то, что, не используя любые методы, идеологии, построенные на принципах гуманизма и толерантности, в переломные моменты, когда происходят изменения и положение людей нестабильно, проигрывают фанатикам, которые действуют жёстко и быстро.

Само понятие толерантности, также, довольно относительно. У каждого человека есть рамки, и, естественно, каждая идеология состоит из постулатов, которые также находятся в определённых рамках. Как следствие, толерантность имеет рамки, и всегда существуют люди, организации и идеологии, по отношению к которым этот принцип никогда не будет использован.

В современном демократическом обществе, любая идеология, возвещающая о принципах свободы и справедливости, должна быть основана на толерантности и гуманизме. С оглядкой на эти принципы должны строиться теории, и выбираться методы достижения целей.

Роль научных абстракций в реальной жизни. Проблема целого и части.

Политические идеологии, которые охватывают разные стороны жизни общества, постоянно соприкасаются с наукой. То, насколько тесно они связаны с наукой, и определяет, насколько качественно проработаны их базовые постулаты. Читая многие «политические работы» представителей тех или иных партий и движений, наталкиваешься на банальные ошибки, которых они могли бы избежать, подвергнув

разносторонней критике свои же идеи или просто почитав учебники по общественным наукам. Правда, следует сразу оговориться о том, что каждый учебник субъективен и, также, требует критичного осмысления. Само наличие ошибок такого рода говорит о том, что политическая теория даже на практическом уровне тесно связана с наукой, и требует от каждого, кто занимается политической проблематикой, изучать общественные науки. В рамках общественных наук, за их историю, было выработано множество теоретических подходов к обществу, законам его строения и функционирования, к тому, что стоит в его основе и является двигателем прогресса. Как правило, эти теории часто противоречивы и однобоки, но существует масса теорий, которые пытаются их объединить. В итоге, изучая различные подходы, можно построить цельную конструкцию общественного устройства.

Многие вопросы, которые касаются ключевых моментов любой политической деятельности, тесно связаны с философией, этикой, историей, и, конечно же, социологией и политологией. Давайте рассмотрим подробнее некоторые из них.

В первую очередь, вопрос относительно методов деятельности, кроме своего чисто практического значения, имеет этическую составляющую, которая влияет не только на приемлемость использования этих методов, но и на результаты, так как сам выбор методов заведомо оказывает влияние на результаты деятельности. Так, насильственные методы, всегда, влекут за собой насилие, и часто цели искажаются в процессе такого их решения (об этом в статье «Ещё раз о методах»). Этическая сторона любой деятельности, а точнее та роль, которую она играет в том или ином политическом движении, много говорит о самом движении. Те, кто не ценит человеческую жизнь, не придаёт особого значения понятиям гуманности, и всячески проповедует насильственные методы, вряд ли может на самом деле бороться за мир и свободу.

История является учебником проб и ошибок, а также свидетельством достижений. Она позволяет сравнить реальную деятельность в рамках той или иной политической идеологии с высказываемыми идеями.

Социология – это та наука, которая должна стоять в основе создания любой серьёзной идеологии, так как именно она объясняет законы функционирования и развития общества, а значит, только она может помочь с поиском путей его изменения. Понятие общества и роль в нём отдельного индивида и социальных групп являются частью предмета изучения социологии. Кроме того, что социология объясняет строение и законы развития общества, она может помочь в деле разработки методов агитации, а также построить реальные теории преобразования общественных институтов. Политология даёт реальную картину политики как сферы деятельности, предлагая практические методы для работы в этой сфере.

Философия, будучи всеобъемлющей наукой, призвана создать базу для теории, объединив воедино этические моменты и социологические законы. Именно философия и этика должны ответить на вопросы: зачем и на каком уровне человек должен заниматься политическими проблемами, какое место он занимает в обществе, и что он должен в нём стремиться изменить.

В рамках разговора о связи наук и идеологий, хотелось бы обсудить ключевой, по моему мнению, вопрос о том, что важнее целое или частное. Этот вопрос имеет прямое отношение и к философии, и к этике, и к социологии. Социология, за всю свою историю, так и не смогла разрешить вопрос о том, что же является основой общества – личность, группа или общество в целом. Философия рассматривала и рассматривает, по сей день, вопрос о том, является ли человеческая деятельность свободной и главной, или же человек находится в зависимом состоянии от высших сил (духа, космического разума, Бога и т.д.). Относительно этики, важным представляется вопрос о том, имеет ли целое (глобальное) большую ценность, чем интересы каждого конкретного человека.

Рассматривая практически любую идеологию, как левого, так и правого крыла, мы в большинстве случаев имеем дело с глобальными понятиями, такими как общество, народ, нация, класс, и лишь как с одной из составляющих, с понятием личность. Личность

во всех этих теориях находится в подчинённом, по отношению к целому, состоянию, несмотря на то, что все преобразования осуществляются (якобы) во благо личности. Некоторые идеологии (особенно это свойственно для популистских авторитарных режимов) призывают всех и каждого не пожалеть жизни ради будущего родины, нации, расы, класса, идеи и т.д. (нужное вписать). С различными правыми (ультраправыми) идеологиями всё понятно, ставя высшей ценностью сильное государство, личность автоматически занимает второстепенное положение. Левые движения, ратуют за построение общества, в котором каждая личность получит все возможности для всестороннего развития, получит подлинную свободу. Исходя из этого, получаем, что левые движения должны ставить личность высшей ценностью. Это подтверждают и их идеи относительно упразднения института государства, который ограничивает свободу людей. Тогда и деятельность этих движений должна быть направлена на помощь каждому конкретному человеку. Здесь, конечно, можно спорить, сказав, что помощь отдельным людям – это благотворительность, которая не меняет самой системы и не решает проблем. Я с этим соглашусь, но с двумя оговорками. Во-первых, жизнь человека коротка, и когда ему пытаются подать в качестве высшего блага борьбу за светлое будущее, которое не наступит в течение его жизни, теряется сам смысл жизни. То есть человек стремится к тому, чего он заведомо не увидит. И здесь снова получается, что он ставится в зависимость от глобальной идеи, становится второстепенным средством её достижения. Во-вторых, помогать конкретному человеку не обязательно можно в форме благотворительных пожертвований. Решение конкретных проблем реального времени, не откладывая их до «светлого будущего», это тоже помощь. Деятельность такого рода ставит человека в центр, делает его целью, а не средством. Именно на такую деятельность должна быть переориентирована левая идеология. Для этого необходимо чётко разграничивать стратегию и тактику. Дело в том, что стратегия левого движения уходит слишком далеко в будущее, ставя перед собой цель построения новой формации. Тактика же, требует деятельности в сегодняшнем времени. В итоге получаем серьёзный разрыв между этими глубоко взаимосвязанными вещами, разрыв, который парализует многие необходимые действия, из-за их несоответствия стратегии. Либерализм или консерватизм ставят цели, которые вполне выполнимы за сравнительно короткий промежуток времени. Они предлагают те или иные реформы, после которых люди получают результаты. И это привлекает людей в данных идеологиях. Только перейдя на такой уровень деятельности, левое движение сможет реально конкурировать с выше названными идеологиями. Ярким примером является социал-демократизм, который перешёл от глобальных целей построения социализма и коммунизма к целям проведения социальных реформ, пусть значительно менее масштабных, но зато сегодня. Многие критикуют социал-демократизм за сотрудничество с «буржуазными» идеологиями, за отход от революционных идей. Но социал-демократизм является необходимым направлением современной политики в Западной Европе, которое сделало много важных социальных завоеваний в течение 20-го века. «Революционные» движения в реальности не добились почти ничего, так как обычно не участвуют в «буржуазных» институтах государственного управления.

С этической стороны, ценность личности должна стать ключевым моментом не только в стратегии и тактике политической деятельности, но и в методах деятельности. Методы должны отталкиваться от ценности человеческой жизни. Поэтому всегда предпочтительнее ненасильственные методы решения проблем, к насильственным следует прибегать только в случае невозможности или бесполезности первых.

Относительно социологической стороны вопроса о значении личности, то здесь неоспорим тот факт, что в основе любой группы стоят отдельные личности. Однако неоспоримо и то, что группа представляет собой образование, которое нельзя свести к сумме личностей, то есть оно приобретает новые качества. Поэтому для строения и жизнедеятельности общества важны и отдельные личности, и их объединения разного масштаба. В разных ситуациях, они приобретают разное значение. Если двигателем

изменений являются лидеры и элиты, то совершить изменения они могут только при поддержке народных масс. Поэтому личности и группы тесно взаимосвязаны.

С философской точки зрения, по моему мнению, личность снова же первична. Несмотря на то, что на человека влияет сложный комплекс факторов, как материального, так и духовного характера, на большинство из них он также оказывает влияние, да и сама наука является плодом человеческого мышления, а значит, служит ему. Поэтому в предположениях и выводах самой философии первично человеческое мышление.

Любое движение (политическое и не только) должно быть ориентировано на интересы каждой конкретной личности в реальном времени. Глобальные ориентиры на будущее, которые перекрывают значение локальных действий в современности, приводят идеологию к потере связи с реальностью, а значит к маргинализации.

Национальная идея. Заметки об её значимости.

Основа любой серьёзной правой идеологии – национальная идея. Я не буду рассматривать убогие ультраправые идейки, так как в них, само понятие национальной идеологии искажено донельзя. Тема данной статьи национализм, основанный на уважении своей истории и культуры, ничего общего с нацизмом не имеющий.

Национальная идея представляет собой понятие, которое в своей основе имеет мифы. Во-первых, национальная идея не является неким рациональным материальным конструктом, она всецело принадлежит к духовной культуре. Во-вторых, рамки национальной идеи определить очень сложно, ведь у каждой нации имеются свои особенности и вариации. В-третьих, большое значение для построения этой идеи имеют различные легенды и мифы из прошлого нации. Но, несмотря на свою мифическую сущность, она выполняет ряд реальных необходимых функций. Для того чтобы определить, какие именно, нужно обратиться к самому понятию нации. Можно давать разные определения нации, их существует великое множество. Обычно отмечают, что нация – это группа людей, объединённая общим языком, историей, культурой, хозяйственной деятельностью, и осознающая своё единство, то есть владеющая национальным самосознанием. По моему мнению, на сегодняшний день, важнейшим фактором является именно национальное самосознание. Также, немалое значение имеет язык и история. Об общей территории и хозяйственной деятельности говорить не имеет смысла, так как многие диаспоры, которые принадлежат к нации, живут за тысячи километров от родной земли, а многие живущие на Родине ни к какой нации себя не причисляют, языка и истории не знают. Яркий пример – белорусы, диаспора которых в США помнит о своих национальных корнях и своём языке, в то время как большинство населения Беларуси, называя себя белорусами, не знают ни своего языка, ни истории, и национальным самосознанием не обладают.

Для того чтобы национальное самосознание у народа было, его необходимо сохранять и поддерживать. Именно для этого и нужна национальная идея. Она, представляя собой, комплекс из мифов, исторических фактов, культурных особенностей и памятников культуры, «насыщает» людей информацией, порождая национальное самосознание и самоидентификацию этих людей.

Среди представителей левого движения распространено мнение о пагубности такого рода идей, да и вообще отрицательное отношение к понятию нации. Однако национальные различия имеют большое значение. Во-первых, они сохраняют память о прошлом, не давая умереть культурному разнообразию под натиском глобальной массовой культуры информационного общества. Во-вторых, человек, который интересуется историей и культурой своей страны, всегда знает, что его культура развивалась в тесной связи с культурами других народов. Соответственно он никогда не скатится к нацистским или расистским идеям, понимая их противоречия с национальной идеей. Это ещё раз доказывает, что нацисты не знают истории и культуры своего народа и

их идеи иллюзорны и абсурдны. Знание своих национальных корней является фактором, который помог бы распространению настоящего антифашизма, а не «аполитичного», каковой сейчас появляется повсеместно. И неудивительно, что через пару месяцев, «аполитичные антифашисты» становятся фашистами. И в том, и в другом случае оставаясь абсолютно безыдейными.

Однако хочу высказать несколько замечаний относительно белорусской национальной интеллигенции и их подхода к национальной идее. На сегодняшний день, национальная интеллигенция Беларуси много делает для сохранения национальной культуры. Но эти действия касаются возрождения памятников культуры прошлого, то есть этнографической, исторической, библиотечной сфер деятельности. Выпускаются книги о событиях истории, переиздаются книги классиков нашей литературы, собираются фольклорные материалы. Это всё, безусловно, нужно. Но культура не стоит на месте, и в странах Европы создаётся новая культура, которая давно идёт впереди нашей. Деятельность по сохранению культуры прошлого там является одной из сфер деятельности, но не единственной и не самой главной. У нас, конечно, тоже есть попытки создания современной культуры. Но, во-первых, их мало. Во-вторых, они либо связаны всё с той же культурой прошлого, либо являются копией основных тенденций мировой массовой культуры. Понимаю, что в условиях современной Беларуси сложно создавать культуру, которая не востребована большинством, но многие великие творцы работали и в худших условиях.

Национальная идея должна использоваться не только правыми, но и левыми, чему, кстати, в истории Беларуси есть немало примеров. Однако национальная культура не должна слишком сильно зависеть от национальной идеи, так как это чревато затягиванием её в прошлое. Культура же должна жить настоящим и отражать современную ей реальность или «дух эпохи». Только такая культура может быть востребована.

Религия и мораль. Размышления о «ритуализме» и вере.

В предыдущих статьях я неоднократно упоминал тему морали, и проблемы её упадка в современном обществе. В связи с этим, хочу поговорить о религии. В течение долгого времени для европейской цивилизации, единственной основой морали была христианская религия. В других странах, также существовали свои религии, которые формировали мораль. Основа морали и её взаимосвязь с религией в разные эпохи – это тема серьёзного научного исследования, и формат статьи не позволяет в неё углубляться. Да и это не важно для темы данной статьи. Здесь я хочу поговорить о вере, религии, ритуалах и морали, об их взаимосвязи.

Михаил Александрович Бакунин в своей работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» большое значение придавал освобождению людей от власти религии. Важной заслугой французской революции, по его мнению, было то, что она положила начало этому освобождению. Бакунин противопоставлял науку религии, доказывая, что природа религии лежит в человеческом воображении, что Бог – это отражение человека. Но при этом, он отмечал, что, наделяя Бога неограниченными возможностями, человек лишался их сам, попадая в зависимость от Бога. Только освободившись от власти религии, люди смогут почувствовать свою свободу и свои возможности.

Михаил Бакунин прекрасно описав природу религии и её негативные последствия, не учёл одного – той роли, которую религия играла в создании морали. Сегодня, в странах Запада и в странах бывшего соцлагеря, религия давно потеряла свои позиции. При этом этот процесс у нас и в странах Запада происходил по-разному. На Западе, на смену религии постепенно пришла наука, освободив путь для развития рациональной морали капитализма, которая подменила духовные ценности ценностями материальными. У нас же религию искореняли жёсткими мерами запрета, заменив её тоталитарной идеологией большевизма. В итоге, после распада СССР и краха этой идеологии, народ начал искать

опоры. И нашёл её, снова таки в религии. Почему самые ярые коммунисты стали фанатичными православными? Потому что думать самостоятельно они не могут, им нужна идеологическая установка. И они её нашли. Здесь хочу сделать несколько замечаний касательно отношения к религии людей.

Я не питаю иллюзий насчёт того, что во времена засилья религии, духовные ценности, на самом деле, превалировали над материальными. Человек по своей природе всегда был собственником, а собственность материальная всегда более осязаема и понятна, нежели духовная. Да и для обеспечения тела (поддержания жизни) нужна именно материальная собственность. Но в то время, хотя бы внешне, духовным ценностям отдавался приоритет. Вы скажете: какой смысл в этой показухе? Вообще-то смысла бы в ней не было, если бы не один нюанс. Люди верили в эту показуху, потому что они верили в Бога. И соответственно, стремясь к накоплению богатства, они делали это с оглядкой на религиозные догмы (религиозную мораль), что являлось сдерживающим фактором.

Религиозный культ, со всеми его обрядами и традициями, постоянно, в течение всей жизни человека, напоминал ему о существовании религии, и его связи с ней. С развитием капитализма потребовались изменения в религии, которые и произошли ещё в самом начале его эпохи. Эти изменения получили название реформация, в ходе которой появились новые христианские протестантские конфессии. Они то и заложили основу потребительской морали. Сами по себе они, конечно, не проповедовали потребительства, но в них был заложен один важный постулат. Согласно основным направлениям протестантизма, то, как будет жить человек, предопределено Богом. И соответственно, если ты богат, то так угодно Богу, а если ты беден, то Бог не поддерживает тебя. Естественно, это было стимулом к экономической деятельности. Важность этого фактора отмечал известный социолог Макс Вебер, хотя, конечно, нельзя сказать (и Вебер это отмечал), что этот фактор единственный или определяющий, он один из многих. Если бы мораль современного общества основывалась на религии протестантизма, то мы бы вместе со стремлением к накопительству, всё же избежали многих негативных явлений (алкоголизм, наркомания, безверие и т.д.), свидетельствующих об аномийном состоянии общества.

В условиях, когда религия потеряла свои позиции, в том числе и в качестве основы морали, изменился и сам подход к ней. Сегодня, подавляющее большинство «верующих» на самом деле ни во что не верят. По моему мнению, их правильнее называть «ритуалистами». И вот почему. Во-первых, современное развитие общества и роль науки в его жизни, освободили людей от страха перед Богом, так как наука позволила объяснить многие явления, которые раньше пугали людей. В то же время, в мире осталось много непознанного и необъяснимого, что часто толкает людей на поиск объяснения в религии. Но главное, что толкает людей в религию, это поиск поддержки. И не последнее место в этом занимает всё то же состояние аномии. Какая разница, спросите Вы, между поддержкой, которую в религии искал средневековый человек, и той поддержкой, которую ищет современный? Разница в системе морали. Мораль средневековья была полностью подчинена религии, даже сословные различия морали религия объясняла. Сегодня же существует две системы морали. Одна – религиозная. Вторая – потребительская, сугубо материальная. На Западе, потребительская мораль установилась достаточно прочно, дав людям возможность достигать многих её ценностей. На место духовной составляющей морали пришли ценности гуманизма и толерантности. Эти факторы позволили, хотя бы немного сгладить аномийные тенденции, однако проблему они не решили, так как цельной общепринятой морали всё равно нет. Это подкрепляется ещё и тенденцией к атомизации общества, которая вообще ставит под сомнение возможность создания единой (хотя бы для большинства) морали.

У нас же, гуманность и толерантность вообще не являются ценностями (для большей части населения). Потребительские ценности не достижимы для большинства населения, что порождает состояние аномии. Эта проблема усугубляется огромными

темпами (об этом подробнее в следующей статье). Естественно, что население ищет моральной поддержки в различных религиях. Об этом ярко свидетельствует развитие всевозможных сект. Но подавляющее большинство, в силу ряда причин (традиционность, конформизм и т.д.) предпочитают сектам, традиционные конфессии. При этом потребительские ценности их также интересуют, и одни другими они заменять не хотят. Стремление получить и то и другое находит отклик в современной церкви. Она продаёт населению духовные ценности. Это простое и удобное решение противоречия материального и духовного. Продажа индульгенций была широко распространена и в средние века, но тогда, кроме этого, как я уже отмечал, у людей была вера. Теперь же религия для большинства скорее является запасным вариантом (а вдруг всё это правда, и после смерти грядёт страшный суд?). В итоге, большинство современных церквей превратились в магазины по продаже индульгенций, а большинство, так называемых верующих, приходят в церковь по праздникам, считая, что в этом и заключается вера. Некоторые, особенно рьяные, приходят каждое воскресенье. Но никто из них не живёт по заповедям. Они только соблюдают ритуалы. В итоге, если вдуматься, получается что они самые страшные грешники (пользуясь христианской терминологией), потому что они продают и покупают Бога. Духовенство всегда играло важную роль как политическая сила, сейчас же, с потерей своего духовного влияния, оно превратилась в группу успешных бизнесменов. Такая религия не может стать серьёзной основой для новой морали, потому что она полностью вписана в систему потребительских отношений.

Однако я хотел не только показать негативные тенденции в развитии морали и религии, но и отметить важность веры для каждого человека. Все мы во что-то верим. Кто-то в Бога, кто-то в науку, кто-то делает Богом политическую идеологию, твёрдо следуя ей. И всем нам нужна вера, ведь без неё мы скатимся в бездну отчаяния и гибели. Весь вопрос в том, есть ли разница во что верить? Я считаю, что разница огромна. Вера в Бога имеет важное отличие от всех остальных видов веры, она предполагает наличие сверхъестественного мира. Этот мир признаётся высшим по сравнению с реальным, а значит, он является для верующего ограничителем в его действиях. Вера же в реальные вещи (идеологии, науку, деньги и т.п.) не ставит перед человеком никаких моральных ограничений, делая всё дозволенным. Последствия этого мы видим в нашей эпохе, когда религия лишена веры и превратилась в совокупность ритуалов, а мораль лишена духовной основы (которая ограничивает), и свелась к набору материальных ценностей. Все духовные качества и ценности (которые могли бы стать заменой религии), либо являются мало распространёнными, либо ставятся на второе место после материальных.

В конце хочу сделать оговорку. Разговор о вещах, имеющих нематериальную природу довольно не однозначен. Так, нельзя сказать, что те, кого я называю ритуалистами, вовсе не имеют никакой веры в Бога. Имеют, но она находится на примитивном (первобытном) уровне, и ритуалам они отдают значительно большее значение.

Аномия.

В предыдущих статьях я высказывался по поводу различных теоретических и практических аспектов состояния современной цивилизации, её идеологических течений (преимущественно левого толка), морали, религии и культуры. В этих статьях я часто использовал термин аномия, так как он наиболее соответствует современному состоянию общества. В разных странах, ситуация, конечно, разная. Где-то аномия сдерживается религиозными и культурными факторами, несмотря на то, что экономические условия соответствуют именно этому состоянию. Где-то, наоборот, при упадке морали, экономическое благополучие сдерживает наступление аномии. Где-то, и именно к этой группе стран, относится наша страна, аномические тенденции в обществе развиваются невиданными темпами. И это требует обсуждения, так как от определения этой проблемы

и прогнозирования её дальнейшего развития, зависит и политическая деятельность, в частности её методы.

Аномия – это состояние общества, для которого характерно отсутствие общей системы моральных ценностей или невозможность их достижения законными путями. Соответственно этому состоянию свойственно неуважение законов и рост преступности. Рост преступности связан с попытками достижения установленных обществом ценностей любой ценой. Те же, кто разочаровался достичь этих ценностей, впадают в другие следствия аномии – пьянство и наркоманию. Подобное объяснение аномии дал социолог Роберт Мертон.

Само понятие было введено ещё в 19 веке Эмилем Дюркгеймом. Бурное развитие теоретических разработок этого явления велось на протяжении 20 века в социологии, криминалистике и психологии. Социолог Роберт Мертон предложил объяснение причин аномии, которое наиболее применимо к современной цивилизации, хотя и не исчерпывает всех нюансов данной проблемы.

Глядя на современное белорусское (и тем более, российское) общество, можно с большой долей уверенности, констатировать те же причины. Материальные ценности являются в нашем обществе не просто главными, а по сути единственными, которым присущ статус всеобщности. Это всё и определяет. В предыдущих статьях я много писал об ошибочных и устаревших, по моему мнению, догмах левой идеологии, но я не сказал о ещё одной причине, по которой эти идеи не находят поддержки. Левая идеология отвергает потребительские ценности, в то время как большинство только к ним и стремится. Я не призываю пропагандировать потребительскую идеологию, ибо это тупик, но обозначенная проблема остаётся. Национальная идея, в данном случае, также не сможет решить проблемы аномии, так она тесно связана с прошлым и слабо с настоящим, да и с потребительскими ценностями у неё тоже противоречия.

Криминализация нашего общества на лицо, как говорится в песне «здесь тоже бандит уважаем и крут», на лицо и алкоголизм, и наркомания. Последствия этих тенденций для общества однозначны – крах и вымирание населения. Главный фактор криминализации – низкий материальный уровень жизни общества. В сочетании с отсутствием моральных ограничений для преступной деятельности, получается двойной эффект, усугубляющий такое положение. При этом не следует сбрасывать со счетов имущественное неравенство. Я писал об ошибочности классовой борьбы, о разнородном составе буржуазии, о разнородном составе пролетариата, который не является единой политической силой. В теории всё так, но на практике есть свои нюансы. Основная масса населения не изучает теорий, она просто смотрит на улицу, и видит, что в мусорках роятся бомжи, а мимо проносятся шестисотые мерседесы. Сравнивая себя с теми и другими, большинство понимает, что по доходам они ближе к бомжам. И естественно это не может не злить. Пропаганда классовой борьбы только ведёт к нарастанию такой зависти и злобы. К тому же большинство людей, в случае революционной ситуации, не станет разбирать, откуда у того или иного «буржуа» деньги, заработаны они в бизнесе или получены, благодаря должности и взяткам. Для народа это не важно, он просто будет грабить. Главный способ сопротивления любой власти – удар по её доходам. Демонстрации или убийства чиновников, несмотря на коренные различия, имеют одно сходство – они не наносят ущерба самой системе. Людской ресурс в тоталитарном обществе никогда особо не ценился. А вот удар «по карману» заставляет понервничать. Мирный способ экономической борьбы (гандизм) – редкость, он вряд ли возможен в стране с потребительскими ценностями, а вот опыт ИРА по взрыву банков вполне. И в связи с этим снова хочу вернуться к теме «разнообразия» буржуазии. Если мы проповедуем идеи свободы, на которых хотим создать новое общество, то одним из главных принципов нашей деятельности и наших идей, должен быть принцип справедливости. Уничтожение людей (или хотя бы лишение собственности) только по уровню дохода никак нельзя назвать справедливым. Как я уже говорил, бизнесмены,

менеджеры, посредники и торговцы, все они создают в рамках существующей системы полезный продукт. Распределение доходов в рамках этой системы прерогатива рыночных законов. Реорганизация общества возможна только путём реформ и агитации. Революционным путём изменить можно только политический режим, а не систему. Грабежами не изменить ни систему, ни режим, можно только изменить «лица» богатых и бедных, тип связей между ними останется прежним. А вот ударив по карману чиновников, коих среди нашей «буржуазии», кстати, подавляющее большинство, можно сильно подкосить режим, ведь их деньги это деньги режима.

Подобный сценарий может показаться фантастическим. Тем более в стране, которая всюду возвещает о стабильности своей системы. Так оно и есть, на данный момент, но не по причине стабильности, а по причине не готовности народа действовать. Причины этого в эффективной пропаганде властей, относительно приемлемом уровне жизни, и скрытой коррупции. Если в России повсеместное взяточничество процесс «естественный» и никто этого не скрывает, то у нас пытаются показать, что этого нет. На самом деле, у нас другие формы коррупции, основная из которых – «кумовство». Практически в любой фирме, в том числе и в частных, на небольшое количество работников приходится такое же количество дармоедов – «своих», родственников и друзей. Скрытый вид коррупции снимает лишний раздражитель населения. К тому же это закрепляется всё той же системой пропаганды, которая говорит только о процветании и ни слова о проблемах. Телевидение (а у нас оно только государственное), обладает громадными возможностями зомбирования, добиваясь требуемого эффекта уже больше, чем десятилетие.

Но это видимость, показуха, а следует помнить о реальности. Наша экономическая система в тяжелейшем кризисе. В стране почти нет прибыльных крупных предприятий. До недавнего времени таких насчитывалось три – БМЗ и нефтеперерабатывающие в Мозыре и Новополоцке. Все остальные живут на дотациях из госбюджета. Сельское хозяйство также в кризисе и живёт на дотации (посмотрите на качество хлеба, который продают в магазинах). Готовится монополизация торговли, с уничтожением класса предпринимателей. Как следствие, резкий скачок безработицы. Откуда же деньги у властей? Транзит российской нефти – легальные доходы. Кроме того, торговля российским и белорусским оружием (а возможно и наркотиками), приносит нелегальные доходы лично в карман президента. В целях сохранения своей власти, он может их использовать, чтобы заткнуть «дыры в бюджете». Но всё равно, всё это временно. Кризис углубляется быстрыми темпами. Пусть у властей хватит средств ещё на пять или, даже, десять лет, а что потом? Представьте, в каком состоянии будет страна через эти десять лет. Во сколько раз будет увеличен разрыв между богатыми и бедными. И когда закроются все дотационные заводы, без средств к существованию окажутся сотни тысяч людей, сложится та самая объективная революционная ситуация. Захочешь есть, будешь грабить. Истина, с которой сложно поспорить. Именно в форме погромов и грабежей будет происходить та революция, революция населения на грани голода. Именно тогда и нужно будет думать о выборе методов и идей, которые могли бы остановить хаос и начать восстановление страны и её выход из кризиса. Многие возвестят о возможности превратить революцию капиталистическую в революцию социальную, но привести страну смогут только к новой диктатуре и нищете. О причинах только такого варианта развития «социальной» революции, я писал в предыдущих статьях.

Относительно подхода к любым идеям и теориям со стороны простого человека, хочу сказать, что эти грабежи станут единственным способом выжить для бедных людей, а значит нельзя относиться к ним только негативно. К тому же, в случае реальной монополизации бизнеса, богатыми останутся только поддерживающие власть и приближённые к ней. Жалеть их нам не приходится, и не престало.

В качестве заключения. В одной анархистской газете, читал заметку человека из российской провинции. Он отметил, что в некоторых регионах России уже созрели

условия для подобного восстания. У нас происходит бурный рост преступности, о котором молчат власти. Но некоторые факты говорят об этом слишком явно. В последние годы, суды всё чаще дают срок «из двух частей», половину человек сидит в зоне, половину проводит на свободе с испытательным сроком. Чем это объяснить, кроме как переполненностью тюрем, а значит, ростом преступности? И второй факт. У нас в городе, по слухам, собираются расширять СИЗО, надстраивая новые этажи. Так долго ли осталось до восстания низов? Заметьте, что всё это следствие государственной политики, усугубляемое объективными тенденциями аномии.

Я не призываю к грабежам. Более того, они только углубят кризис, так как могут стать причиной гражданской войны (те, кого будут грабить, станут защищать своё имущество). Данная деятельность не приведёт к выходу страны из кризиса, а только усугубит его. И для того, чтобы этого не произошло, проблемы нужно решать сейчас.

Подводя итоги.

В данном журнале, я рассмотрел, важнейшие, на мой взгляд, проблемы левого движения, капитализма и в целом современной цивилизации. Я, конечно, не претендую на всесторонний и полный анализ этих тем, тем более что, как я писал в начале, все статьи носят обзорный характер. Их цель – обозначить проблемы и сформулировать основные тезисы, которые я считаю, требуют разработки и разрешения. Делая этот номер журнала, я преследовал конкретные цели. Я хочу вызвать в представителях левого движения, в его самых прогрессивных и думающих представителях, интерес к изменению этого движения. Я хочу, чтобы оно стало реальной политической силой, а не маргинальной (не зря я постоянно использовал это слово) субкультурой. Для этого, я хочу приблизить его к реальности, направив деятельность на реформирование капитализма, на постоянную работу по образованию новых полезных для общества структур на принципах свободы и инициативы людей. Я призываю, избавить наше движение от революционного пафоса, отбив у всевозможных авантюристов желание вливаться в наши ряды. Я призываю расширить рамки нашего движения, чтобы оно могло охватывать людей разного происхождения, с разными доходами, и разных профессий. В том числе, это касается и буржуазии. Я призываю уйти от панэкономизма, сделав левое движение и левую теорию открытой для разных сторон жизни общества, освободив её от строгих рамок политики. Осознанно не называю левую теорию анархизмом или марксизмом или как-нибудь ещё, а даю самое общее определение. Этим показываю её готовность к реформам и открытость для новых теоретических разработок. Призываю, создать на основе ценностей свободы, справедливости и толерантности, новую мораль. Только таким образом, наша теория сможет стать всеохватывающей. И только так, она сможет приступить к созданию альтернативы потребительским ценностям. Призываю, разрабатывать наши теории в тесной связи с наукой, что позволит избегать многих ошибок, оставаясь при этом самым передовым движением.

В общем, я предлагаю ревизию левой теории. Только в отличие от ревизионизма Бернштейна, который был направлен на переоценку марксизма (и во многом оказался прав), я предлагаю ревизию современного левого движения, со всеми его новыми компонентами (субкультура, антиглобализм и т.д.), чтобы усовершенствовать его и приблизить к современной реальности.

На практическом уровне стран, ещё не пришедших в полной мере к капитализму, к коим относится и наша страна, я предлагаю всецело посвятить себя решению тактических задач. Только, когда страна начнёт развиваться в том же направлении, в котором развивается цивилизованный мир, только тогда мы сможем перейти к реализации заявленных выше целей, так как их реализация возможна только в демократических условиях. На данном этапе, наша тактическая задача, та же, что и у любых других оппозиционных сил, – смена режима. Поэтому мы должны объединяться, несмотря на

разногласия. Только вместе, мы можем начать движение вперед. Не предлагаю стратегических объединений, только тактические, но они необходимы. И помните о толерантности, как основе наших идей. Поэтому хватит презрительно относиться к другим политическим теориям, люди их поддерживающие имеют право на свободу мнений и свободу слова. Я писал о том, что толерантность имеет рамки, и некоторые люди и идеи в эти рамки не попадают. Это движения, проповедующие диктатуру и ксенофобию. К таковым, на сегодняшний день, относятся всевозможные движения фашистского и коммунистического (большевистского) толка, а также любые другие, проповедующие рознь по расовому, национальному, религиозному, культурному или имущественному признаку. Только придерживаясь четкой системы ценностей, которая исходит из реальности, и на основе которой строятся методы деятельности, можно создать по-настоящему цельное, выверенное и непротиворечивое теоретическое направление в политике, культуре и морали. И это наша главная цель, реализация которой должна быть тесно связана с решением насущных задач.

Человек обладает способностями к критическому мышлению. Так давайте, используем их, чтобы изменить наше общество в реальном времени, в течение нашей жизни. Не будем ставить фантастических задач, будем решать реальные!!!

Автор: Махно Виталий

Распространение приветствуется. Просьба: при цитировании и перепечатке фрагментов, указывать контактные адреса журнала (e-mail и ЖЖ).